

ГЛАВА IV

ОБЩИЕ ДАННЫЕ ПО СТРАТИГРАФИИ И ХРОНОЛОГИИ ГОРОДА

Выяснив градостроительную структуру, горизонтальное и пространственное размещение объектов на территории Аргиштихинили, можно перейти к рассмотрению вертикальной и горизонтальной стратиграфии археологических его слоев, отображающих превратности судьбы исследуемой территории во времени, на протяжении веков и тысячелетий.

Древняя земля Аргиштихинили представляет собой многослойный археологический памятник с пятью основными слоями и шестью промежуточными горизонтами. Наседая друг на друга постепенно в длительное время, эти слои представляют нам строгую хронологическую последовательность памятников. Чем древнее то или иное поселение, тем глубже залегают остатки его руин; чем моложе возраст перекрывающих их слоев, тем ближе залегают они на дневной поверхности.

Соответственно с этим, верхние слои крепостей Аргиштихинили содержали остатки наиболее поздних, средневековых поселений. Довольно мощные остатки поселения эпохи развитого феодализма (конец IX—XIII вв. н. э.) были зафиксированы при раскопках западной крепости. Выявленные остатки средневековых слоев: глинобитные дома с многочисленными жилыми помещениями, топратунами (пекарнями), давальнями винограда, скотскими и складскими помещениями были причудливо вписаны в мощные контуры урартской крепости (табл. XVII, 1—2) или прямо сооружены на площади широких стен, башен и террас. Слои этих средневековых руин покрывали всю территорию бывшей урартской крепости, имели различную мощность и в наиболее сохранившихся местах разделялись на три горизонта, с общей толщиной до 2—2,5 м (рис. 12). Культурные слои урартского периода залежали в западной крепости непосредственно под средневековыми (табл. XVIII—XX). Следова-

но, крепость эта не была заселена ни сразу после падения Ванского царства, ни в ахеменидское, эллинистическое или раннефеодальное время. Иную стратиграфическую структуру выявило исследование верхних слоев восточной крепости, проведенное Армавирской экспедицией. Здесь под незначительными остатками позднесредневекового периода были обнаружены смешанные слои или горизонты античного, эллинистического и ахеменидского периодов, которые представляли вещественные остатки армянской резиденции Армавира и находились в общем хронологическом соответствии со сведениями Мовсеса Хоренацц¹, а также греческих эпиграфических надписей, найденных на месте². Да и сами урартские сооружения здесь были несколько видоизменены, а соответствующие культурные слои залежали непосредственно под горизонтами ахеменидского периода, хотя это не везде и не всегда четко фиксируется. Таким образом, над урартскими слоями Аргиштихинили располагались средневековые, античные, эллинистические и ахеменидские слои, а под ними находились руины древнейших поселений III тыс., а затем—рубежа II—I тыс. до н. э., рассмотренные в первой главе настоящей работы. Наличие указанных слоев в крепостях Аргиштихинили интересует нас с точки зрения стратиграфического положения урартских напластований и взаимного территориально-стратиграфического сплетения памятников урартского, ахеменидского и эллинистического времени на этой территории.

Оставляя подробный разбор упомянутых слоев на более удобное время, следует отме-

¹ М. Хоренский, История Армении, кн. II, гл. 39, кн. III, гл. 31.

² К. В. Тревер, Очерки по истории культуры..., стр. 58—59.

тять, что анализ стратиграфии и установление хронологической последовательности застройки Аргиштихинили сами по себе вызывают значительные затруднения не только из-за неудовлетворительной сохранности остатков этой яркой культуры или отсутствия в письменных источниках дробных строительных дат, но и потому, что многие из здешних надписей не найдены на своих первоначальных местах.

Между тем, вышерассмотренные клинообразные надписи Аргишти I, Сардури II, Русы III, высеченные по самым приблизительным подсчетам на 50 камнях разных построек, недвусмысленно указывают на одновременность строительных работ и на постепенное расширение масштабов города.

К счастью, весьма надежно устанавливаются места трех надписей, относящихся к начальному периоду истории города. Важнейшая из них, с упоминанием города Аргиштихинили в Азайской стране (УКН, 137), находилась у подножья восточного (большого) армавирского холма до 1827 г., когда она была перевезена в Сардарабад для нужд Гусейн-Кули-хана. Материалы раскопок, произведенных на этом холме еще в 1880 г., подтвердили наличие здесь значительных урартских древностей. В эту коллекцию входили фрагменты красноангобированных типично урартских чаш и гиревидные печати с зооморфными гравированными изображениями, каковые обычно служили для запечатывания дворцовых или храмовых помещений различного назначения³ (рис. 13 д, е). Позже выяснилось, что эти материалы хронологически соответствуют инвентарям урартских колумбариев Игдыра и города Эребуни⁴, относящихся к I половине VIII в. до н. э. Другая надпись Аргишти I, высеченная на базе колонны дворцового сооружения, была обнаружена в здании западной крепости (холм св. Давида)⁵. Аналогичная третья надпись оказалась у южного подножья того же холма в пределах с. Шагриар (Налбандян). Там оказались шесть идентичных баз, изготовленных из того же базальта (1896 г.)⁶. Последняя надпись одинакового содержания была перевезена на правый берег Аракса и найдена в сел. Газанчи⁷. Таким образом, из западной крепости Аргиштихинили происходят три надписи,

которые указывают, что часть этого здания возведена в начале строительства города.

В 1929 г. была обнаружена маленькая группа (инв. 777/11—15) типично урартских изделий, которые имеют очень точные соответствия в материалах VIII в. до н. э. из Тушпы, Эребуни, Малакю, и также подтверждают данные надписей Аргишти о постройке здесь большого урартского комплекса. Группа эта состоит из: глиняной обожженной дисковидной крышки большого урартского караса, черепков с темно-красным блестящим ангобом «ванского типа», изумительно тонкого биконического сосудика с петельчатой боковой ручкой, тонким венчиком и красноблестящим ванским ангобом (рис. 14а), продолговатого сосудика, покрытого таким же ангобом (рис. 14б), двуручного сосуда урартской работы, но местного образца, а также маленького сосудика (рис. 14в) с сильно раздутым туловом, узким горлышком и широко отогнутым венчиком и острым, проткнутым отверстием доннышком (рис. 14г). Эта группа вещей несомненно относится ко времени начального периода основания Аргиштихинили (первой половине VIII в. до н. э.), хотя некоторые из этих образцов встречаются и позже (рис. 14д—ж, о—р). Эти первые, вполне созвучные археолого-эпиграфические данные не оставляют сомнения в том, что западная и восточная крепости Аргиштихинили были завершены постройкой в годы правления Аргишти I и явились, по сути, результатом единого градостроительного замысла, в основе которого лежало стремление создания большого, хорошо укрепленного города. При этом, нам кажется, что одиннадцатый год правления этого царя (776 г. до н. э.) является скорее годом окончания работ, поэтому отмечается в летописи особой надписью с названием города на месте завершения строительства. Следует полагать, что строительство города Аргиштихинили началось раньше 776 г., в западной его части, в районе холма св. Давида, постройкой западной крепости и некоторых близлежащих жилых кварталов. Это было бы совершенно естественно и целесообразно не только потому, что к этой крепости примыкал именно внутренний сильно укрепленный город, не только потому, что ирригационные каналы достигали этого участка раньше всего, но и потому, что здесь находились большие каменоломни и добытый на месте камень легче было использовать без особой затраты сил на перевозку. Из синеватого базальта этих каменоломен построены также все здания восточной крепости Аргиштихинили. Однако добыча камня, перевозка его, доставление вод оросительных каналов требовали не только времени, но и предполагали наличие

³ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий..., стр. 58, рис. 38 7—8.

⁴ А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян, Урартский колумбарий Нор-Ареша (на арм. яз.), *ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԳԵՂԱՆԻՍՏԱՆՈՒԹՅԱՆ ԳԱԼԵՐԵԱ*, 1955, № 10, էջ 63—84.

⁵ Надпись обнаружена в 1967 году и еще не опубликована.

⁶ *Արշարուն*, 1966, էջ 512.

⁷ *Արշարուն*, 1966, էջ 493.

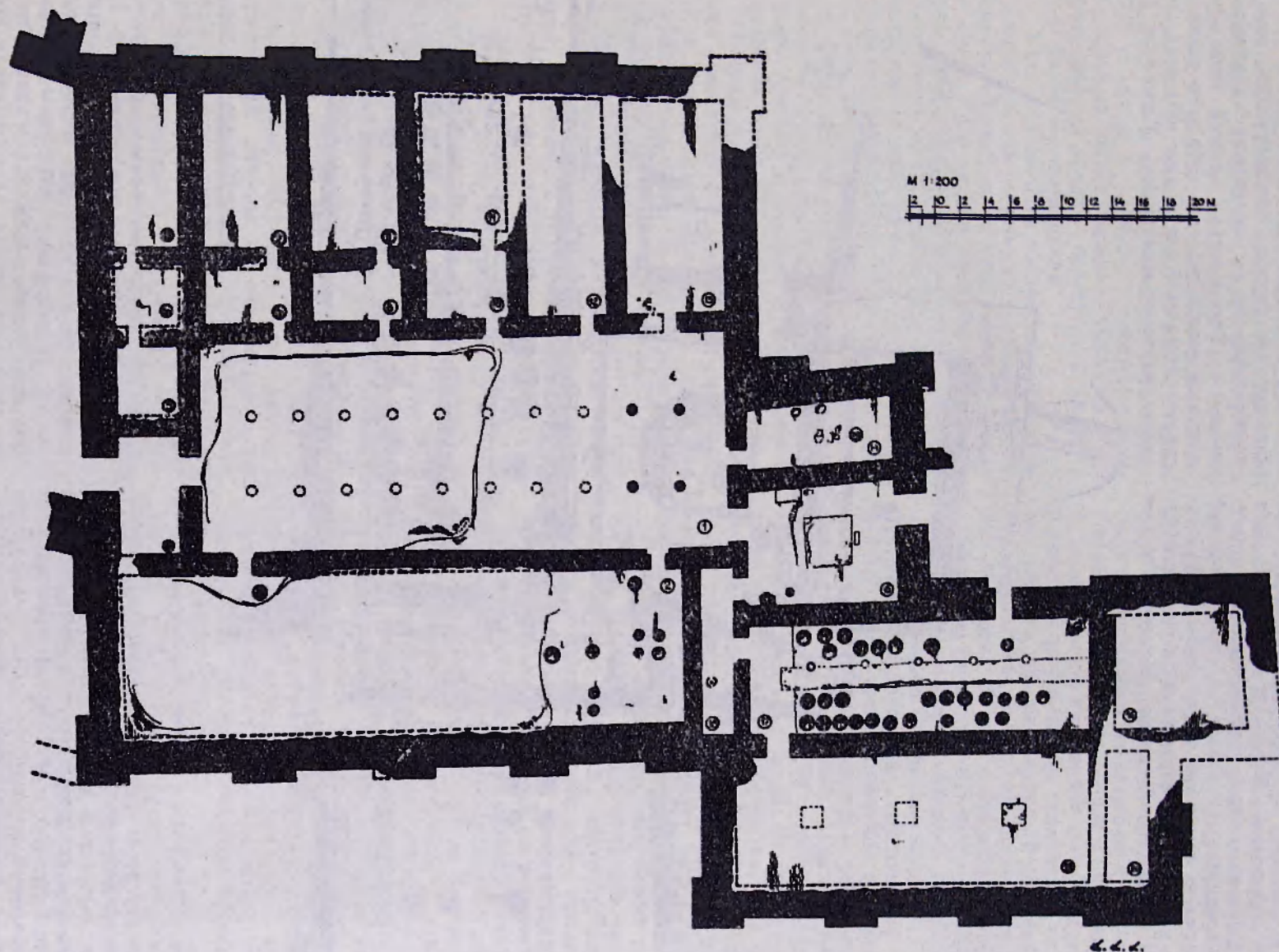
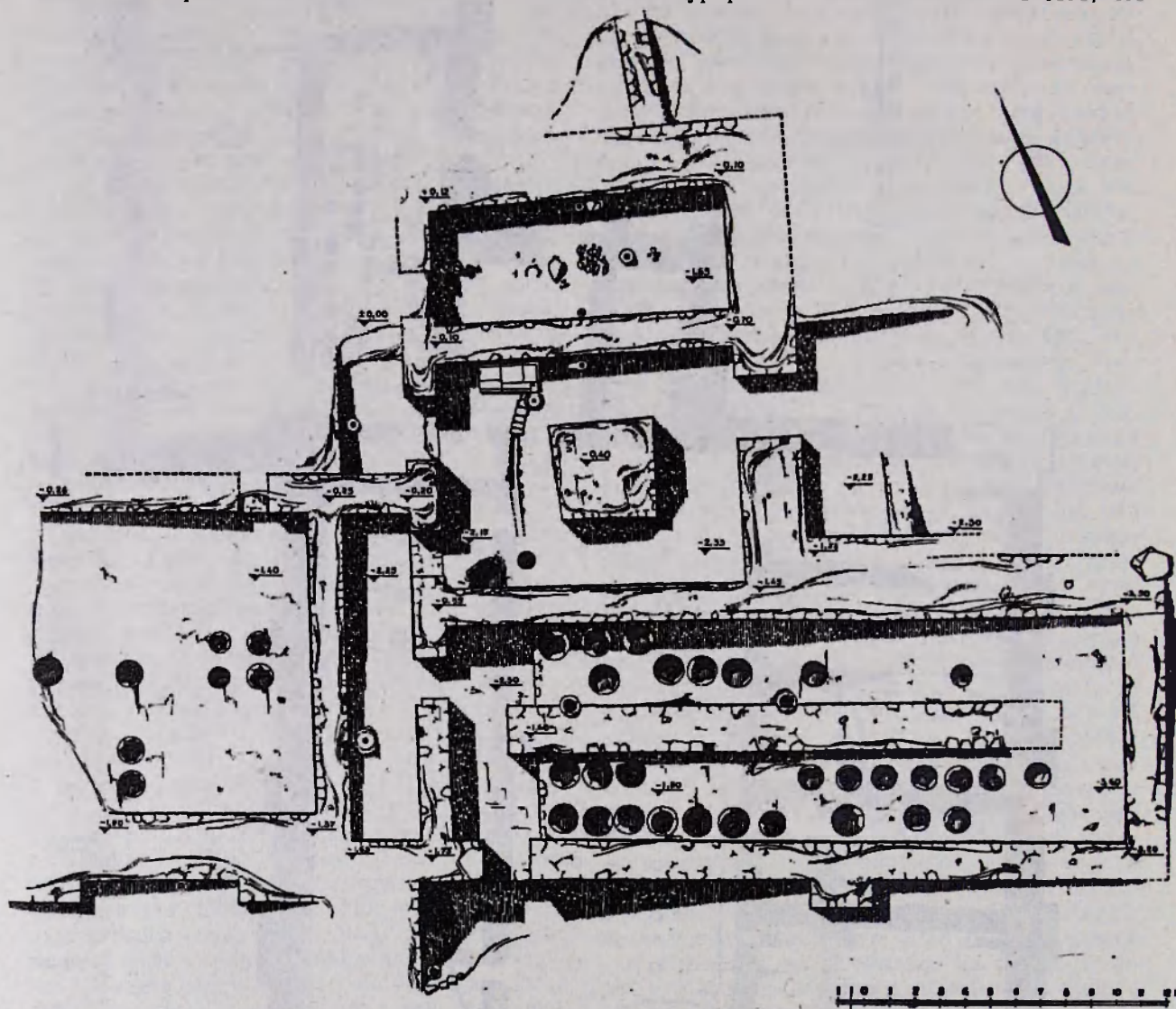

Рис. 30. Дворец западной крепости (план).

Некоторые наблюдения стратиграфического порядка как будто подтверждают это наше замечание. К югу от основного ядра внутреннего города, примыкающего к западной крепости, располагался продолговатый квартал на высоком русле Аракса. Цокольные кладки сохранившихся здесь домов покоились на речной гальке. На такой основе

щиеся в ряде случаев под стенами или нивелировочными полосами урартских же домов. Это обстоятельство прямо указывает на то, что старое кладбище Аргиштихинили располагалось в период возникновения города непосредственно на продолжении западной крепости. Впоследствии на этой территории появился новый квартал. Это ясно видно на стратиграфической схеме (рис. 15) этих двух видов урартских памятников. Мало того, что

был построен крайне западный квартал, занимавший всю западную окраину сел. Нор-Армавир. Этот квартал весьма интересен именно в стратиграфическом отношении. В разных пунктах этой большой территории, от наиболее западного холма (А) до кварталов крайне западных были обследованы или доследованы урартские погребения, находя-

уартские погребения сами по себе лишены каких-либо наружных признаков, мало того, что они находятся под руинами уартских сооружений, над ними еще построены новые дома с. Нор-Армавир, проложены его улицы. Их обнаружение слишком затруднено, поэтому могильник города Аргиштихинили исследован лишь в незначительной части. Осенью

1964 г., на правой обочине амасийской шоссеиной дороги, метрах в 150—200 к северо-западу от холма св. Давида рабочие экспедиции в урартском маленьком карасе обнаружили чудесный красно-ангобированный блестящий кувшинчик, пару змеиноголовых браслетов малого диаметра и пару простых сережек с утолщенной нижней частью, изготовленных из бронзы (рис. 16 а—г). Очевидно, это был инвентарь детского погребения VIII в. до н. э., вполне соответствующий материалам малаклинского урартского колумбария⁸, на правом берегу реки Аракс, в 7—8 км от Аргиштихинили.

При исследовании местности было обнаружено еще два погребения в урнах, поставленных вертикально на расстоянии 1,5 м друг от друга. Урна первого погребения представляла собой среднего размера карас (высотой 70 см, пузом 60 см, горлом 30 и дном 32 см), сделанный от руки родными погребенного с неравномерными, плохо обожженными стенками и следами плетеньки на наружной части дна. Горло караса было прикрыто камнем и обмазано глиной с примесью соломы. На дне караса ничего не оказалось, кроме пепла покойного (рис. 17а).

Вторая урна отличалась малыми размерами (высота 35 см, ширина 30 см, горло 21 см, дно 13 см) и была сильно закончена (прямо снята с очага). В ней оказались лишь разрозненные кости скелета (рис. 17б) годовалого ребенка. Урны были зарыты в слое гравия, над которым возвышалась стена урартского дома с метровым культурным слоем, насыщенным угольками, золой, черепками явно урартской керамики конца VIII или начала VII в. до н. э. (раскопки 1965 г.).

Точно в таком же стратиграфическом залегании обнаружены и разрушены чрезвычайно бедные погребения, оказавшиеся ниже слоя урартских строений, на северном краю западного холма, примерно в 100 м к югу от описанных (1965—1968 гг.). В 1968 г. в 400 м к северо-западу от приведенных, посреди деревенской улицы сасунцев, юго-западной окраины с. Нор-Армавир, было обнаружено новое карасное погребение, исследованное экспедицией дважды. В нем оказалось два очень интересных урартских сосуда VIII века. Один из них представлял двуручный миниатюрный кубок с округлым низким корпусом, расширяющейся горловиной и зооморфными выступами в верхней части ручек. Второй сосуд имеет форму кувшина с коленчатым носиком и дугообразной ручкой. Оба сосуда вероятно имели культовое назначение (рис. 18а—б). Погребение находилось на глубине 1 м от отметки улицы. Местные жи-

тели рассказывали, что примерно на таком уровне при строительстве их домов были найдены в массовом порядке крупные карасы, базальтовые стены, базы от колонн и другие детали, которые находятся на месте и поныне. Это показание может служить свидетельством того, что и в этом участке погребения VIII в. находились под более поздними урартскими строениями. Это подтверждается обнаружением другого кувшинного погребения к западу от описанного, на расстоянии 100—150 м. Погребение было совершено в красноватом (сильно фрагментированном позже) кувшине с венцом и жгутovidным орнаментом на плечах (высота 150 см, ширина 70 см), каковые характерны для складских помещений виллных погребов. В нем сохранились скелеты взрослого и несовершеннолетнего—по-видимому, матери с ребенком, лежащих «в обнимку», на боку, в сильно скорченном виде.

Фрагментированный, характерный двуручный кубок, плоская чашечка с отогнутым венчиком, спирали из медной проволоки, цепочка также из проволоки, пара простейших бронзовых сережек, миниатюрная фибула со сломанной железной иглой, разнообразные бусинки из голубоватой и белой пасты, а также несколько крупных, чудесно отшлифованных бусин из сердолика красновато-темно-коричневого оттенка составляли весь инвентарь погребения. Картина стратиграфического залегания этого кувшинного погребения та же, что и у прежних. Непосредственно над ним располагалась обмазка полуразрушенного урартского дома с мощным слоем угольков и золы, с обрывками стен, сохранившихся на южной и западной сторонах погребения.

Последнее погребение открыто при строительных работах, к северо-западу от описанного, на расстоянии 400—500 м. Захоронение было совершено в вертикально стоящем кувшине светлоглиняного цвета, простого, среднего размера, горловина покрыта глиняной чашей. При осмотре местности на дне траншеи валялись черепки упомянутых сосудов и разрозненные кости скелета. Из этого погребения рабочие сохранили несколько фрагментов кольцевых круглого сечения браслетов и два малых браслета с тонкой гравировкой плоских змеиных головок на концах (рис. 19а—б).

Подытожив данные о могильнике, можно считать установленным следующее. Погребения, открытые за последние годы, тянутся по линии на северо-запад, общей протяженностью около 1000 м от крайне западного холма Нор-Армавира до колхозной теплицы. Хотя на этой линии обнаружено около десятка разрушенных или полуразрушенных могил, они указывают на очень большую площадь, занимаемую им в свое время. Могильник

⁸ Б. А. Куфтин, ук. соч., рис. 29.

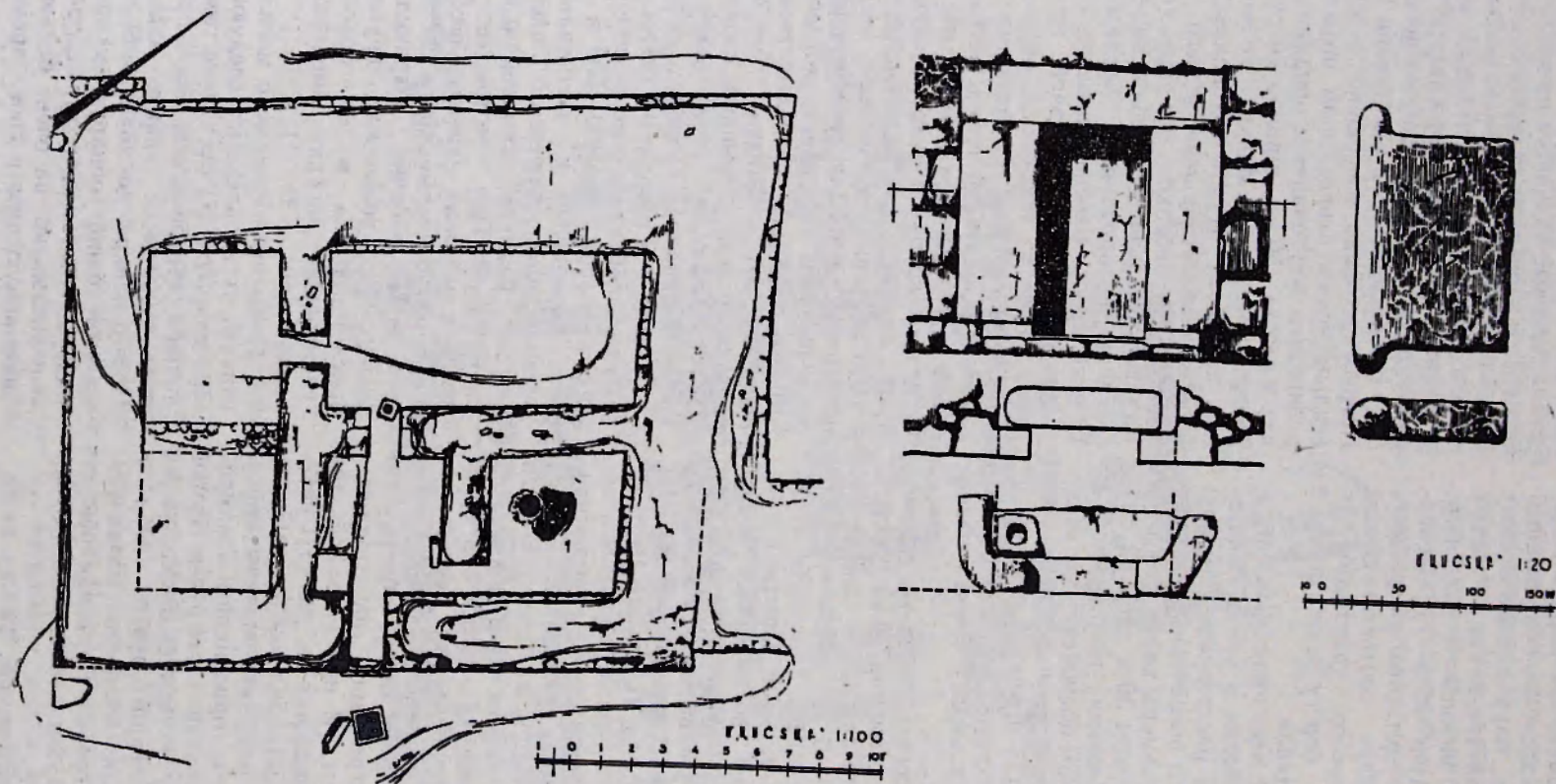

Рис. 32. Малый храм, план (зап. крепость).

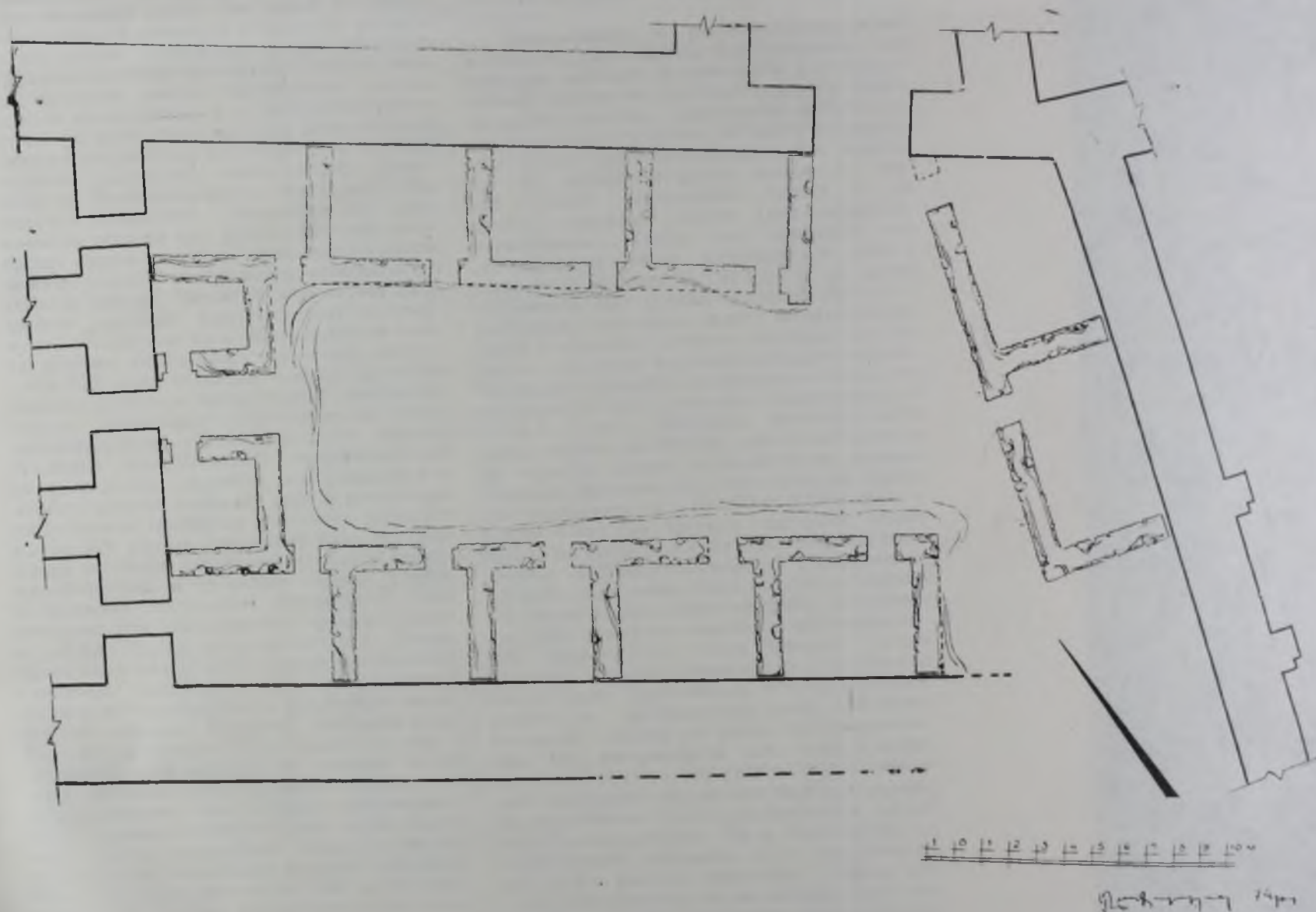

Рис. 33. Помещения центрального двора.

этот примыкает к западной крепости Аргиштихинили и принадлежит ему. Он вполне может датироваться первой половиной VIII в. до н. э., вернее, временем правления Аргишти I, так как при закладке нового городского квартала над ним было даже забыто или не учтено его наличие в этом крайне северо-западном районе города. Могильник этот принадлежал, по-видимому, низшему сословию населения города. Это видно из чрезвычайно бедного инвентаря погребений, из форм и назначения погребальных урн, каковыми служили изготовленные вручную наспех карасы, кухонные сильно закопченные сосуды, карасы из-под вина и т. п. Несостоятельность этого сословия колет глаз при сопоставлении личного «имущества» их захоронений со всеми другими урартскими могильниками, известными из Эрбуну-Еревана, Мецамора, Малаклю и Алтын-тепе. Возможно, что здесь покоятся останки тех, руками которых добывались камень и глина, проводились оросительные каналы, выполнялись всевозможные тяжелые работы. Вероятно, именно под ними кроется довольно многочисленная и совершенно бесправная прослойка населения города, которая обозначалась терминами «раб» —

«Lú ERE» или «пленный» — «Lú-U-tú-ti ú-ḫe» сохранившимися в клинописных документах города Тейшебаини⁹. Нет сомнения, что в Аргиштихинили существовали и богатые гробницы представителей провинциальной знати, которые, вероятно, «устраивались» в многочисленных пещерах, либо в специально сооруженных гробницах в виде двух-трех комнатных жилищ. Это может быть подтверждено наличием обширных скальных сооружений-гробниц в стольном городе Тушпа, в крепостях Бостанкая¹⁰, Каяли-дере¹¹, Тейшебаини. При обследовании крупных пещер в ущелье Раздан напротив цитадели Тейшебаини были обнаружены фрагменты чудесной урартской керамики и следы сожжения — достоверные свидетельства урартского погребального обряда. Вероятно, гробницы вельмож Аргиштихинили были ограблены еще в древности и мы никогда не нападем на их следы. В таком случае придется ограничиться предположением, что гробницы аристократической и военно-служилой знати этого города могли быть, по крайней мере, такими же богатыми, как погребения вельмож городища Алтын-тепе. При раскопках этих богато меблированных гробниц обнаружено колоссаль-

ное количество изделий урартских ремесел, ювелирного дела и искусства: остатки богатейших разноцветных одеяний, масса золотых украшений, очень тонких изделий из слоновой кости, чудесные бронзовые пояса, даже огромные культовые котлы и прочий инвентарь для вечно живущего духа мертвых. Эти вещи, сами по себе, представляют большой интерес, отображая влияние культуры урартов на соседнюю Фригию, Кипр, Грецию¹², Этрурию.

Возвращаясь к рассмотренному выше материалу, мы можем констатировать, что западная крепость Аргиштихинили, с примыкающей частью внутреннего города и огромным могильником, содержащим останки нескольких тысяч бедняков, является тем ядром, к которому позже добавлены жилые кварталы на крайне западном холме, за южной стеной внутреннего города и на крайне западном участке (над огромным могильником). Почти нет сомнения, что эти кварталы могли возникнуть в связи с постройкой со стороны Сардури II на холме св. Давида двух храмов (надпись 1965 г.) и разбивкой фруктовых садов, виноградников, полей с посевами, которые простирались, вероятно, по длине большого азайского канала. Масштабы застроек показывают, однако, что расширение этих кварталов продолжалось и в VII в. до н. э. Кварталы восточной части города плохо различимы, еще не открыты и не изучены, однако клинообразные надписи Сардури, происходящие из восточной крепости, указывают, что в 60—50 гг. VIII в. до н. э. в этой части сын Аргишти построил новые кварталы («город новый»), основал комплекс храмов («священный город») и достраивал крепость. Как выше было указано, в восточной части города новые постройки появились и в годы правления одного из последних царей Урарту, Русы, сына Эрмении. Таким образом, стратиграфические и клинописные данные ясно показывают, что строительные работы не прекращались здесь с момента основания города до конца его существования. Он застраивался все шире и шире, составляя синтез «городков», вернее городских кварталов, возводимых разными царями, но сохранивших свое первоначальное единое имя — Аргиштихинили. Ни в Хорхорской, ни Сардуровской летописях, ни в многочисленных других текстах, найденных в городе или в его окрестностях, мы не находим для него никакого другого названия теофорной или династической формы. Это обычная черта древневосточного и, в частности, урартского

⁹ И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.—Л., стр. 34, текст № 4; стр. 34—35, текст 5.

¹⁰ C. A. Burney and G. R. J. Lawson, Measured plans of urartian Fortresses, AS, v. X, 1960, стр. 194—196.

¹¹ C. A. Burney, A first season of excavations at the urartian citadel of Kayalidere, AS, v. XVI, 1966, стр. 108—111.

¹² Tansin Özgüç, Excavations at Altın-Tepe, Türk Tarih Kurumu Belleten, Ankara 1961, пус. 14—24, а также. Р. Оуэджю, Հնադարյան Արարատը, «Գաղութ», 1966, № 8, էջ 18—20.

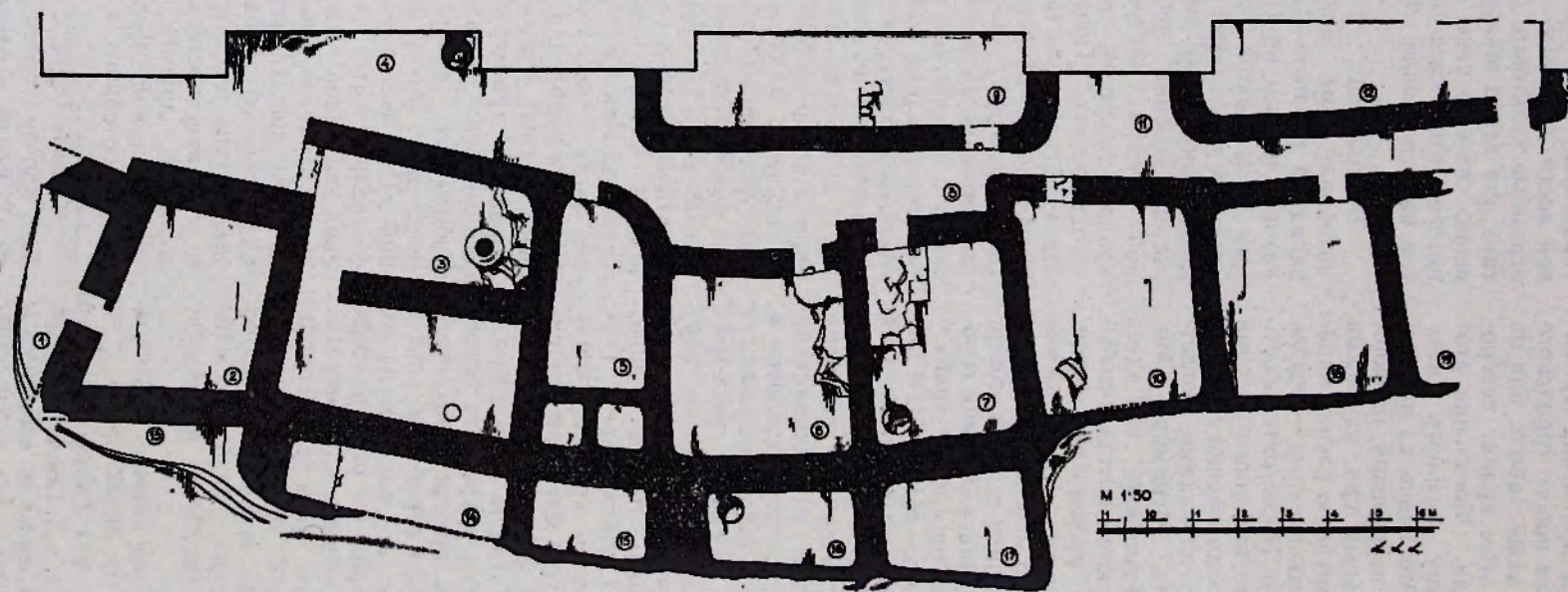

Рис. 34. Позднеурартские хижины второй террасы.

градостроительства. В строительстве города Тушпы принимали участие все урартские цари начиная с Сардури I. Богобоязненные и благочестивые, они всегда считали делом чести возобновление старых и возведение новых культовых и гражданских сооружений в различных городах и никогда не меняли названия города. Даже аккадские власти, предпринимавшие некоторые восстановительные работы в шумерских городах, не меняли их старых названий. Так было и в урартском городе Эребуни (Ереван), застроенном тремя царями (Аргишти I, Сардури II, Руса III). Руса III построил здесь сравнительно большое здание агі, с содержимостью в 6848 капи¹³, в пять раз больше, чем подобное сооружение того же Русы III в Аргиштихинили. Однако из-за этого название города не изменилось. Этот принцип градостроительства на Востоке сохранялся и в период эллинизма. Древняя Антиохия, например, состояла первоначально из одного лишь квартала («города»), построенного Селевком Никатором в честь отца. Затем в разное время (при Антиохе III, Антиохе IV) построены другие кварталы и город, — как сообщает Страбон — составляет уже *Tetrapolis*. Именно так был создан Аргиштихинили усилиями многих поколений.

При разведочно-рекогносцировочных работах на восточной половине Аргиштихинили, кроме урартских древностей были выявлены также культурные напластования послеурартской эпохи, относящиеся к древнейшей столице Армении — Армавиру. Еще в 1880 году Уваров и Ерицов у восточной подошвы большого армавирского холма открыли несколько погребений послеурартского времени, в которых были обнаружены монокромно и бихромно расписанные сосуды, агатовый перстень, разноцветные бусы из стекловидной пасты, бронзовые браслеты с выгибом¹⁴ и другие вещи, основную часть которых можно датировать позднеакхеменидским и раннеэллинистическим временем; а отдельные вещи — сасанидским периодом. Новые случайные находки послеурартского времени сделаны и позже (1936) к западу от уваровских мест, на расстоянии 1—1,5 км, в пределах с. Нор-Армавир. Это крупный фрагмент полихромно расписанного сосуда эллинистического периода, покрытого красными, белыми, черными узорами треугольников, сеток и фестонов, а также чрезвычайно интересный сосудик бордового цвета, покрытый желтыми тре-

угольными шевронами и цветками лотоса (инв. 2129/157 ГИМ Армении)¹⁵.

К северо-западу от большого армавирского холма, в пределах северо-восточной окраины с. Бамбакашат было разрушено в свое время маленькое возвышение, под которым оказались массовые руины построек, базы от колонн и другие архитектурные детали, колоссальные карасы, фрагменты сосудов смешанного урарто-акхеменидского типа и даже большое количество золотых изделий. По сведениям Месропа Смбацянца именно в этой части Бамбакашата (Молла-Баязеа) была найдена одна из надписей Сардури II, которая могла оказаться здесь при постройке новых кварталов Армавира. Все эти находки ясно показывали, что древности, связанные с историческим Армавиром, простирались на восточной окраине бывшего урартского города, охватывая пространство восточной крепости и его окрестностей, на площади около 2 км в южно-северном и 2 км в восточно-западном направлениях от большого холма. Создавалось такое впечатление, что продольные оси этих двух совмещенных городов перекрещивались — Аргиштихинили тянулся в западно-восточном направлении, а Армавир — в южно-северном. Возникла задача уточнения соотношения этих двух городов, частично перекрывавших друг друга. Выяснение ее началось с 1962 года наземным обследованием местности. Уже в 1964 году сделаны первые интересные раскопки в доме № 2, второго квартала Аргиштихинили, у подножия холма D. В помещении № 4 этого дома, ниже отметки урартской кладки и выше пола (на 10—15 см), в урартском культурном слое оказалось кувшинное погребение, содержащее разрозненные косточки черепа и шейных позвонков ребенка, а также кости мелкого животного. Рядом обнаружено синхронное погребение другого типа, впущенное в тот же урартский культурный слой. Камни, покрывающие его, находились ниже верхней отметки урартской степы, а дно — выше пола. Погребение было обложено по бокам кусками рваного камня малого и среднего размера. Костяк располагался на левом боку, в скорченном виде, головой на восток. По конструкции, условиям залегания и виду захоронения это погребение не отличалось от кармирблурских, датированных V—III вв. до н. э.¹⁶

У шейных позвонков и за спиной погребенного оказалось пять сосудов: черный горшочек с широкой горловиной, сосудик с

¹³ Н. В. Арутюнян, К. Л. Оганесян, Новые урартские надписи, ВДИ, 1970, № 3, стр. 111 (надпись № 10).

¹⁴ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 17, рис. 20.

¹⁵ Б. У. Рашадурджян, Հայաստանի դոնադարը կերամիկայի պարրիսիւր, ՀՍՍՀ պատմութեան և զրահանութեան ինստիտուտ, Տեղեկագիր, 2-րդ, էջ 291.

¹⁶ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, стр. 140, рис. 64.

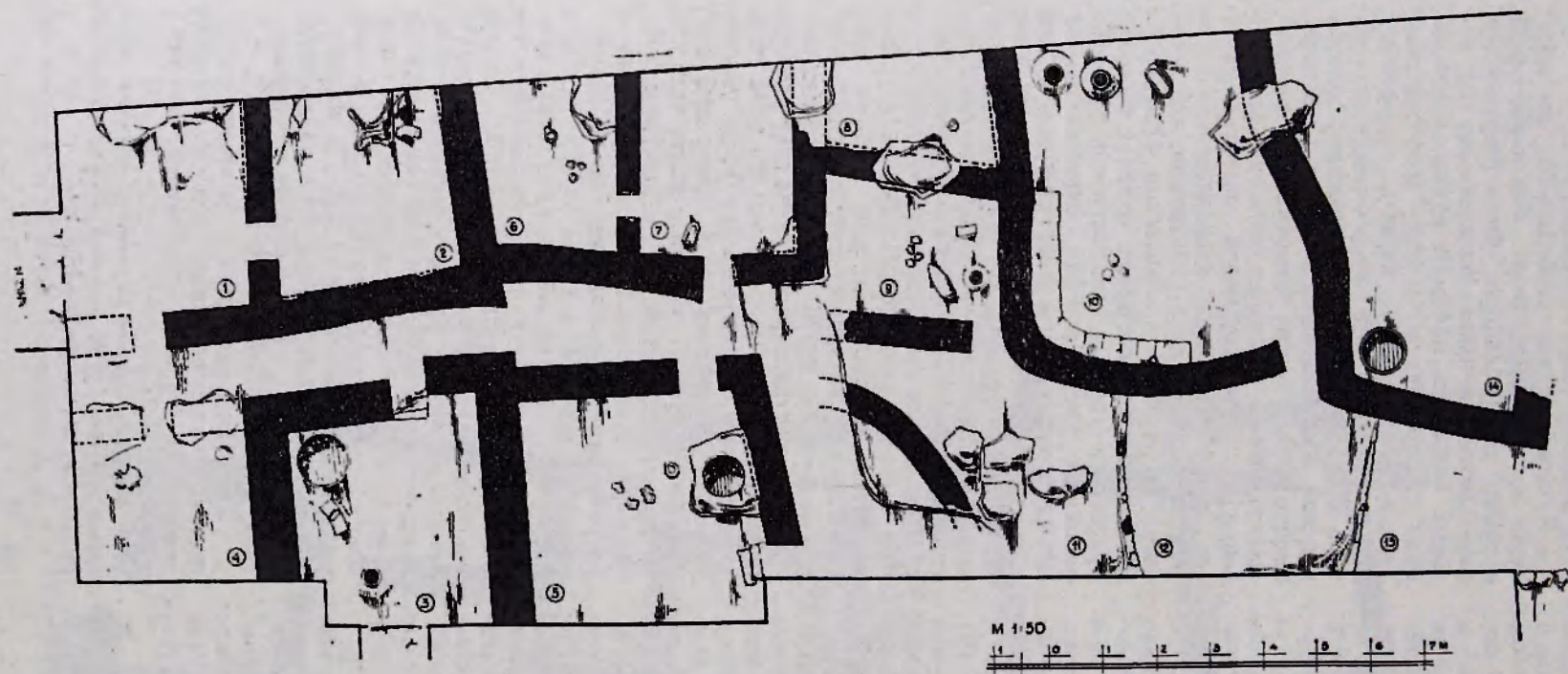

Рис. 35. Дом металлурга (план).

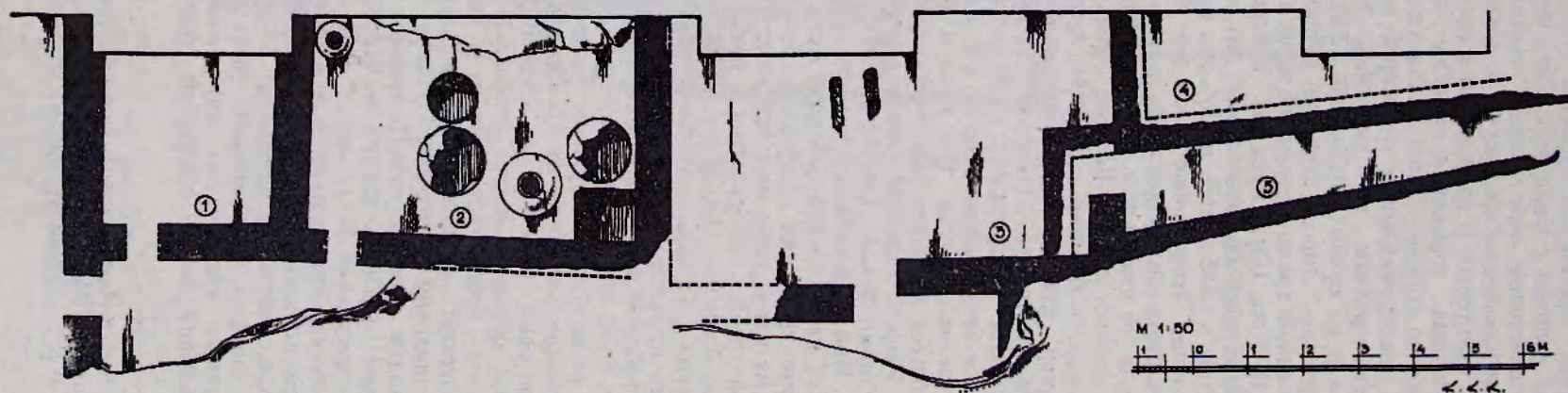

Рис. 36а. Дома первой террасы (зап. крепость).

узкой горловиной и округлым доньшком, очень схожим с урартскими (не расписными) и армавирскими расписными сосудами, бовидный сосуд с узким горлышком, открытый горшок и малый сосудик розовато-красного или оранжевого оттенков. Все сосуды по формам и по фактуре связываются с урартскими, но несомненно являются продукцией раннеармянского производства (рис. 20). В другом доме (№ 3) этого же квартала, в по-

младенца с молочными зубами, косточками черепа и других частей. Маленькая серьга в полтора оборота, колечко и плоский браслет с горизонтальными полосками составляли украшение погребенного. Все они были изготовлены из бронзы. Под полом погребения (стерильный слой толщиной 10 см), в углу помещения № 2, располагался урартский хозяйственный уголок с зернотеркой, характерным «пивным сосудом», красноангобпро-

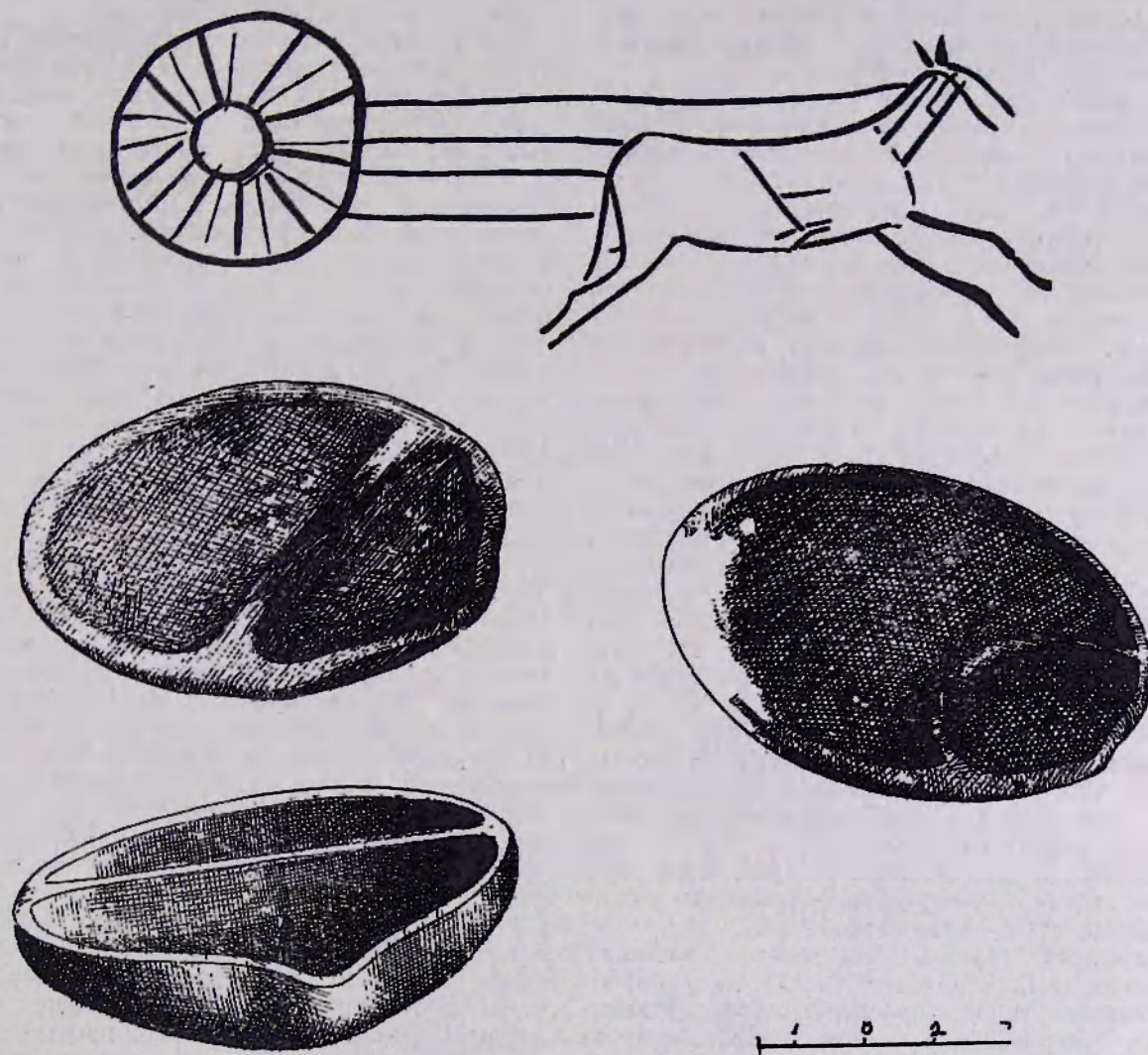

Рис. 366. Колесница на борту караса и светильники.

мещении № 2 оказались аналогичные могилы в том же стратиграфическом залегании. Первая из них находилась у западной стены помещения № 2, почти на дневной поверхности. Стены ее были обложены с трех сторон полукругом, вертикально стоящими мелкими камнями, общая длина которых составляла всего 60 см. На глубине 70—80 см от поверхности были обнаружены остатки скелета

ванным большим горшком и другими вещами.

Второе погребение, оказавшееся в юго-восточном углу того же помещения, было сделано в яме без каменной обкладки, на глубине 25 см от дневной поверхности. В нем оказались плохо сохранившиеся остатки скелета, миниатюрный лощеный горшочек охристого оттенка, какие-то керамические фрагменты и очень маленький точильный камень

с отверстием наверху. В III урартском квартале, значительно западнее (1000 м) описанных, под завалом камней, в зольном слое дверного проема (дома № 1, помещение № 1) оказался сильно пострадавший череп с раковиной каури и бусинкой. В таких же неясных стратиграфических условиях обнаружен скелет в северном квартале Аргиштихинили. Отсутствие, малочисленность и нехарактерность вещей двух последних погребений не позволяют утвердительно говорить о принадлежности их именно к армавирскому времени, но таковое весьма вероятно.

Шесть-семь сильно разрушенных погребений этого же типа было выявлено на полу большого помещения второго дома центрального квартала Аргиштихинили. Они принадлежали к типу обнаруженных во втором квартале и в городских жилищах Тейшебаини, были сложены из мелкого камня и покрыты таковыми же. Основания их возвышались над полом урартского помещения на 10—15 см. Погребения залегали в урартском культурном слое и были перекрыты сверху затвердевшим глинистым слоем, образовавшимся от разрушения кирпичных стен здания. Следовательно, упомянутые захоронения раннеармянского периода были совершены здесь тогда, когда еще стояли кирпичные стены домов, разрушенных и опустошенных при скифо-мидийском штурме. Эти наблюдения показывают, что погребения Армавира или мелкие группы фамильных усыпальниц занимали значительные полосы II и III кварталов Аргиштихинили и крайне западная их линия проходила через второй квартал. Здесь кончалась черта Армавира, а за нею простирались руины Аргиштихинили еще на добрых 3 км, уже без раннеармянских интерполяций.

Еще более интересные данные получены в ходе работ на участке холма F, у изгиба ирригационного канала, которые наметили нам западную черту самого Армавира и ближайший стык урарто-армянской культуры. Указанный участок был сильно насыщен фрагментами керамики смешанных урарто-армянских типов, простирающихся на дневной поверхности в южном направлении до современного кладбища с. Налбандян, а в северном—до юго-восточных пределов с. Бамбакашат. Стратиграфический шурф был заложен в центре отмеченной площади, в километре на юго-запад от восточноаргиштихинилинской крепости. По срезам шурфа и окружающих песчаных карьеров выявлены фрагменты базальтовых цоколей с урартскими культурными слоями, которые были перекрыты более поздним напластованием и повторяли, таким образом, условия стратиграфического залегания рассмотренных выше погребений в руинах Аргиштихинили и Тей-

шебаини, а также общий порядок размещения горизонтов под западным отсеком оборонительной стены восточной крепости Аргиштихинили¹⁷.

Возникновение жизни в обжитых уголках древнего города только что упраздненного урартского царства само по себе предполагает традиционно-эволюционное продолжение многих черт древневосточной городской жизни, в том числе и в развитии различных отраслей материального производства.

В рассматриваемых послеурартских погребениях и в срезе стыкового шурфа лучше всего представлены остатки керамического производства урартов и ранних армян, которые дают возможность судить о непосредственной преемственности и хронологической зависимости продуктов раннеармянского и эллинистического производства. Рассмотрим вкратце керамические поздние или послеурартские изделия, происходящие из погребений и шурфа. Обнаруженный в погребении № 2 (II квартал) банкообразный продолговатый сосудик с округлым доньшком, узкой низкой шейкой и буро-оранжевого оттенка по своим формально-морфологическим данным не отличался от урартских сосудов из Тейшебаини и Аргиштихинили, а также из степанаванского погребения, соответствующие слою которых относятся к VII—VI вв. до н. э. Трудноуловимые отличия чувствуются здесь в изломе черепка, в оттенке ангоба и в менее изящной форме. Другой погребальный сосудик этого типа также лишен росписи и отличается от урартских своим темноватым ангобом. Происходящие из этого погребения другие сосуды—простые горшки, бомбовидные и приземистые, с широкой или узкой горловиной, черных, бурых, розоватых оттенков, также с трудом отличаются от урартских. Все они имеют аналоги также в материалах стратиграфического шурфа и его окрестностей.

В самом шурфе выявлен очень большой и интересный материал, достойный несколько более детального рассмотрения. Это множество фрагментов упомянутых выше типов керамики, наделенных, однако, простейшими горизонтальными полосами росписи, выполненной в красном, черном, коричневом и бордовом цвете. Огромным количеством выделяются фрагменты чаш урартских типов (рис. 21), с разнообразно профилированным широким или узким венчиком, украшенным узенькими горизонтальными полосками красного цвета. Не менее редко встречаются чашечки с черной или красной окраской бортов, а также фрагменты несколько одутлова-

¹⁷ Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении, Историко-филол. журн., 1965, № 3, стр. 265.

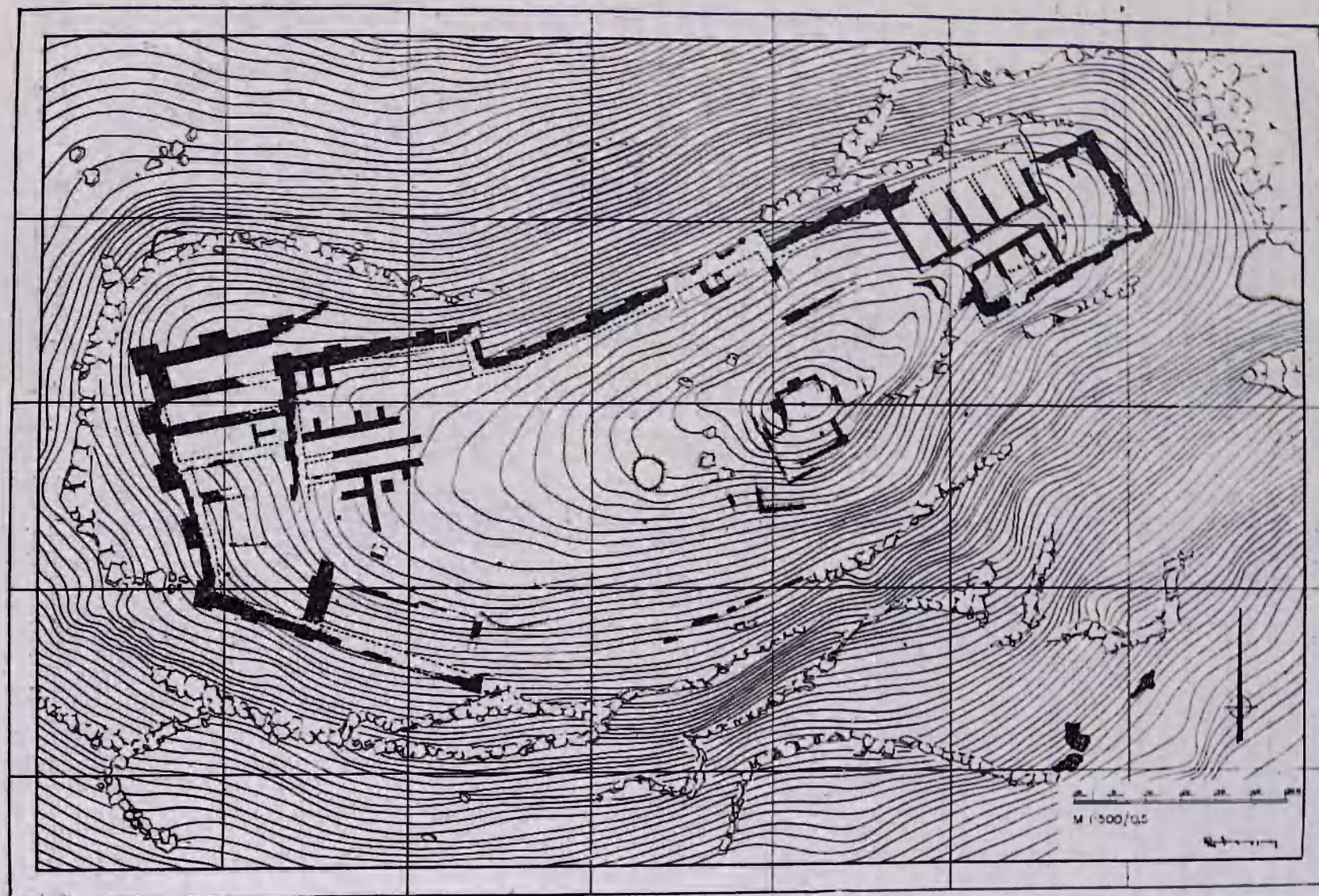

Рис. 37. Восточная крепость (план).

тых чаш с нависающими бортами, украшенными у верхнего среза тонкими цветными каемочками снутри и снаружи (рис. 22). Не отличаясь от урартских по основным формальным признакам, эти сосуды выявляют, помимо цветных линий, также некоторую специфику в изломе, ангобе и обжиге черепка. Хронологически с этой группой связываются также простые бурые сосуды с профилированным носиком, имеющие аналогии среди армянских материалов (рис. 23а—б). Не исключена возможность, что простейшая роспись сосудов описанных типов имеет урартское происхождение. Ведь из Тушпы¹⁸ и Тейшебаини (IX—VI вв.) происходят расписные сосуды не только с простейшими, но и сложными узорами, близко напоминающими фригийскую роспись. Что же касается рассмотренных простейших узоров из Аргиштихинили, то они находят прямые аналогии в материалах III слоя Хасанлу (пласты А и В), на юго-западном углу урмийского озера и в других памятниках приурмийского района, прочно освоенных урартами со времен царя Ишпуини (последняя четверть IX в. до н. э.)¹⁹.

Керамика из указанных слоев Хасанлу не отличается от рассмотренных по техническим и внешним признакам. Чтобы ближе разобраться в этом вопросе, следует рассмотреть и некоторые другие типы керамики из интересующего нас участка. Речь идет о серии фрагментов очень изящных чаш, богато расписанных по борту треугольными шевронами, заполненными сетчаткой, или же покрытых росписью целиком с внутренней стороны. К числу таковых принадлежит очаровательный сосудик розоватого ангоба с красной каемочкой с обеих сторон края борта и многолепестковым красным цветком внутри. Лепестки окаймлены черными линиями, а между ними очень тонкие треугольные узоры ромбической сетки, исполненной также черными линиями. Орнаментация сосуда не имеет прямых аналогий, однако здесь мы замечаем фригийскую манеру нанесения росписи, когда красные линии переплетаются с черными или лежат сверху их, чтобы создать полихромные ленты. С другой стороны, чрезвычайно тонкое треугольно-сетчатое заполнение этого и целого ряда других сосудов весьма характерно для иранских сосудов VIII—VI вв. до н. э. К указанной серии сосудов ближе

всего стоит все же керамика западноиранского круга памятников: Хасанлу, Зивие, Калатгаха и др. Среди этих памятников хронологически лучше исследован Хасанлу. Привожу хронологическую характеристику того слоя памятника (III А, В), который содержит керамику описанного выше типа. Начало этого периода, по Р. Дайсону, падает примерно на 700 гг. до н. э., годы правления Саргона II, союза мидян с манейцами (надо добавить и с армянами.—А. М.) и основания столицы их—Экбатаны. Предшествующий ему IV период датируется бронзой скифского стиля VIII—VII вв. до н. э., с которой в некоторой мере сочетается керамика III В периода. Основная форма керамики—так называемая «треугольная» (по характерной росписи треугольных шевронов)—распространяется по всему западному Загросу (Маку, центральный Курдистан, Зивие, Керманшах, Луристан, Гиян I), имеет некоторое отношение к IV периоду. Ранняя дата III В периода определяется урартской фибулой и наконечниками стрелы скифского типа. Средние даты, полученные радиоуглеродным анализом, определяются 637 ± 28 гг. до н. э. По своей керамике период этот связывается с двумя очень важными памятниками. Один из них Сялк В, конец которого определяется по аналогии с кубанскими и днепровскими памятниками 600—579 гг. до н. э. Другим соприкасающимся памятником является Зивие, датировка предельного заселения которого по радиоуглеродному методу определяется 611 ± 56 и 610 ± 45 гг. до н. э. Треугольная керамика, характерная и для периода Хасанлу III В и А, обнаружена здесь на поверхности верхних слоев и, следовательно, явно вступает в пределы 500 гг. Поселение Зивие имеет отношение к знаменитому Саккызскому кладу (R. Chirschman, *Le Tresor de Sakkez*, *Artibus Asiae*, т. III, № 3, 1950), исследователи которого все больше склоняются к высказанному нами еще в 1954 г. мнению о связи его с культурой скифов, о наличии в них позднескифских элементов литого и келермесского курганов, а также о появлении элементов раннеахеменидского периода (А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 78—79). В качестве основной датировки клада ныне предполагаются 625—600 гг. до н. э. Появление клада связывается с периодом после скифской оккупации (653 г.)²⁰.

Последним и самым интересным памятником рассматриваемого круга северо-западного Ирана является Калатгах, урартское городище, основанное, вероятно, Ишпуини

¹⁸ H. H. Osten, *Die urartäische Töpferlei aus Van...*, *Orientalia*, v. 21, 1952, стр. 307—328.

¹⁹ Robert H. Dyson, Jr. *Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu*, *Journal of Near eastern studies*, vol. XXIV, N 3, July 1965, стр. 204—208, пус. 9, 10, 13, а также *A SURVEY OF PERSIAN ART*, vol. XIV, April-may, 3, 1960, Robert H. Dyson, *Early cultures of Solduz...* стр. 2964—2966, пус. 1036, 1037.

²⁰ R. H. Dyson. *Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu*, *Journal of near-eastern Studies*, v. XXIV, N. 3, 1965, Chicago, стр. 203—208.

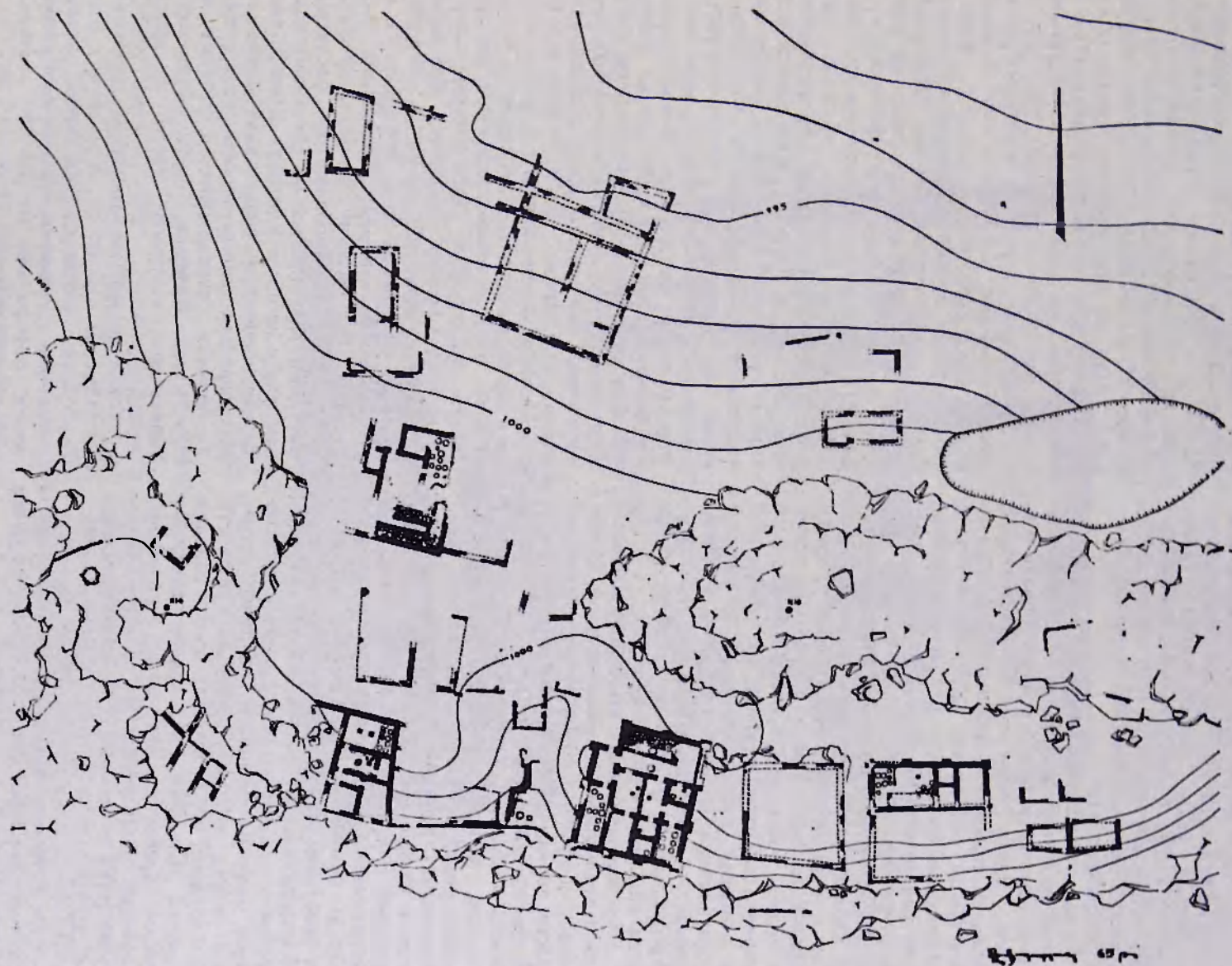

Рис. 38. Второй жилой квартал Аргиштихинили.

между равнинами Ушну и Солдуза, на высоких холмах, напоминающих рельеф Аргиштихинили. У подножьев холма найдены надписи Ишпуини и Менуа, отца основателя Аргиштихинили (810—786 гг. до н. э.), которые указывают на непосредственную хронологическую связь между двумя памятниками, а также сосуд с большими треугольными шевронами и гиревидная печатка из белого камня, имеющие поразительные аналогии среди материалов Аргиштихинили²¹.

Удивительным образом совпадают также образцы керамики, собранные на указанном участке Аргиштихинили и на площадке Калатгаха. Здесь встречены многочисленные фрагменты типично урартских сосудов, даже с блестящим «ванским» ангобом, вместе с фрагментами керамики, расписанными простыми или сетчатыми треугольниками, украшающими внутреннюю сторону чашек и кринок. Исследователь предварительно датирует этот слой третьим периодом железа (после IX в. до н. э.), сопоставляет с Хасанлу, Зивие, Топрах-кале, Тилки-тепе и Алтын-тепе, оставляя вопрос открытым. В овете приведенного материала несомненно лишь то, что расписная керамика ранних типов, встреченных в Аргиштихинили, в ареале от Тушпы до Зивие возникает в пределах урартской культуры, вероятно в конце ее развития, и далее развивается при ранних ахеменидах.

Намечаемые связи раннеармянской керамики с вещественными памятниками Зивие, Хасанлу и других объектов приурмийской области являются весьма закономерными по той простой причине, что в IX—VII вв. эта область являлась именно ареной урартской культуры, ассирио-урартской борьбы, ареной проникновения культуры этих могучих древневосточных держав и скрещивания их с местной маннейской. Связи этих районов с Арменией и, в частности, Аргиштихинили не исчерпываются вышеприведенными материалами. Из помещения № 3 (дом № 3) происходит урартский шаровидный горшочек с откаткой цилиндрической печати, с изображениями чередующихся пар козлов и львов, опирающихся передними ногами на древо жизни. Этот мотив повторяется на резной кости, происходящей из урартского слоя большой карасной кладовой на западном отсеке восточной крепости. Этот мотив в различных вариантах повторяется на голубом сосуде Хасанлу (IX в. до н. э.)²², на плакетке слоно-

вой кости из Зивие (VIII и VII вв. до н. э.)²³ и на золотой пекторали Саккызского погребения (VII в. до н. э.)²⁴. Из Зивие происходят чудесные гравировки, исполненные в урартской манере и изображающие вельможу с подчиненными и подносивших дань иранцев²⁵. Наконец, с иранским, мидийско-ахеменидским кругом связывается золотая пектораль восточной крепости Аргиштихинили, датированная VI—V веками²⁶. Это именно тот период, когда, по свидетельству Мовсеса Хоренаци, армянские предводители осуществляли оживленные контакты сначала с мидийцами, а затем, вероятно, и с ахеменидами.

Возвращаясь к разбору некоторых других типов керамики, найденных на площадке шурфа и его окрестностях, следует отметить, что они также прочно увязываются с урarto-иранским культурным кругом. Прототипы первой группы сосудов представляют собой тонкостенные, изящные полусферические чашечки, с темно-красным «ванским ангобом» VIII в. до н. э., которые особенно часто встречаются при раскопках Аргиштихинили (рис. 24а—б) и, по сути, повторяются в вотивных металлических чашах, снабженных надписями урартских царей VIII века. В конце VII—V вв. до н. э. они претерпевают изменения в ангобе и в форме, украшаются монохромными простейшими горизонтальными линиями в верхней части борта. Розоватый или кремневый фон этих сосудов покрывается по бортам линиями коричневых, серо-коричневых или красных тонов. Нам думается, именно этот вариант чаш относится к раннеармянскому (ахеменидскому) периоду. Однако в серии этих чашек наблюдается и дальнейшее развитие, появляются очень изящные, богато расписанные монохромные или полихромные чашечки, которые, несомненно, относятся к эпохе эллинизма, с вероятной датой IV—III вв. до н. э. (рис. 24в—г). Полусферические чашечки, украшенные последовательными рядами «галочек», лучеобразными или крестообразными расписными фигурами, известны как по случайным находкам, так и из послеурартских слоев Армении. Тонкая чашечка несколько иной формы, но с крестовидным черным узором дна и широкими бортами, совпадающими с узорами сосудов музея Армении, была обнаружена в гарнийском некрополе вместе с драхмой

²³ Там же, стр. 124, рис. 69.

²⁴ Там же, стр. 127.

²⁵ Там же, рис. 65—66, Эдит Порада, сопоставляя изображение с вельможей с ассирийскими рельефами времен Тиглат-Паласара III (745—727), считает эти вещи ассирийскими (стр. 118).

²⁶ Г. А. Тиранян, Золотая пектораль из Армавира, СА, 1968, № 4, стр. 190—197.

²¹ O. W. Muscarella, Qalatgah: An urartians site in Northwestern Iran, Expedition, v. 13, N 3-4, Pennsylvania 1971, стр. 44—49.

²² E. Porada, Alt Iran (Kunst der Welt), Baden-Baden, 1962, стр. 113—114.

Александра Македонского и другими вещами раннеэллинистического периода²⁷.

Такую же историю развития имеет и другая группа сосудов, встреченная в районе шурфа. Это так называемые пиалы, урартские прототипы которых известны из западной крепости (фрагмент) и третьего квартала Аргиштихинили (рис. 25а—б). Из других урартских городищ известны близкие к ним формы металлических пиал. Однако они по-

фрагментов, принадлежат, несомненно, к послеурартскому времени (рис. 25в—г). Они тонкостенны и изящны, покрыты розоватым или оранжевым ангобом, имеют высокие, прямые борта, отделяющиеся от донца резким уступом, характерным для определенной группы чаш урартского происхождения. Эти образцы отличаются от вышеупомянутых урартских лишь красной окраской, которая покрывает борт сосуда снаружи и внутри

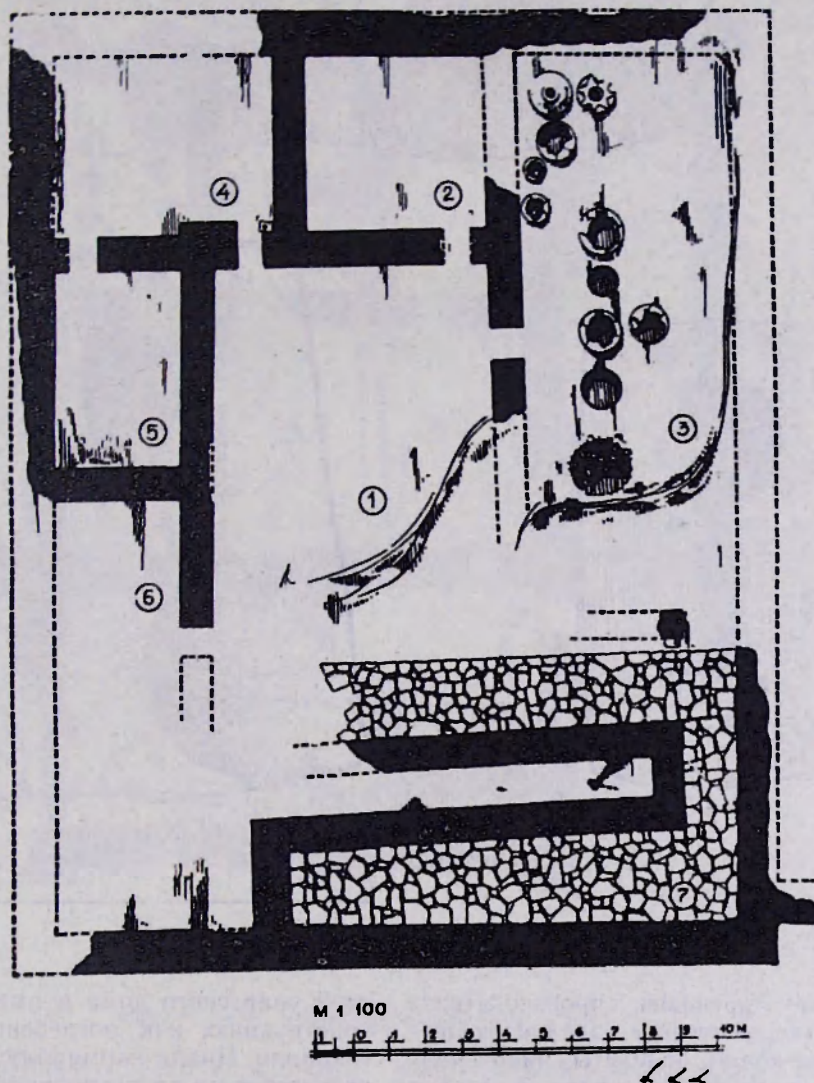

Рис. 39. Дом № 1 второго квартала Аргиштихинили.

лучают очень широкое распространение в Армении, Закавказье и Иране именно в период Ахеменидов и доживают в Гарни до I века. Пиалы из рассматриваемого участка Аргиштихинили, представленные множеством

широкой единой полосой или же горизонтальными коричневыми линиями. Хронологически очень близкие аналогии этих сосудов происходят из Джраратского раннеармянского могильника V—IV вв.,²⁸ погребальные инвентари

²⁷ Г. А. Тиранян, О расписной керамике древней Армении, Историко-филол. журн., 1962, № 2, стр. 267, табл. II, рис. 1.

²⁸ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тиранян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Изв. АН АрмССР, № 8, 1961, стр. 77.

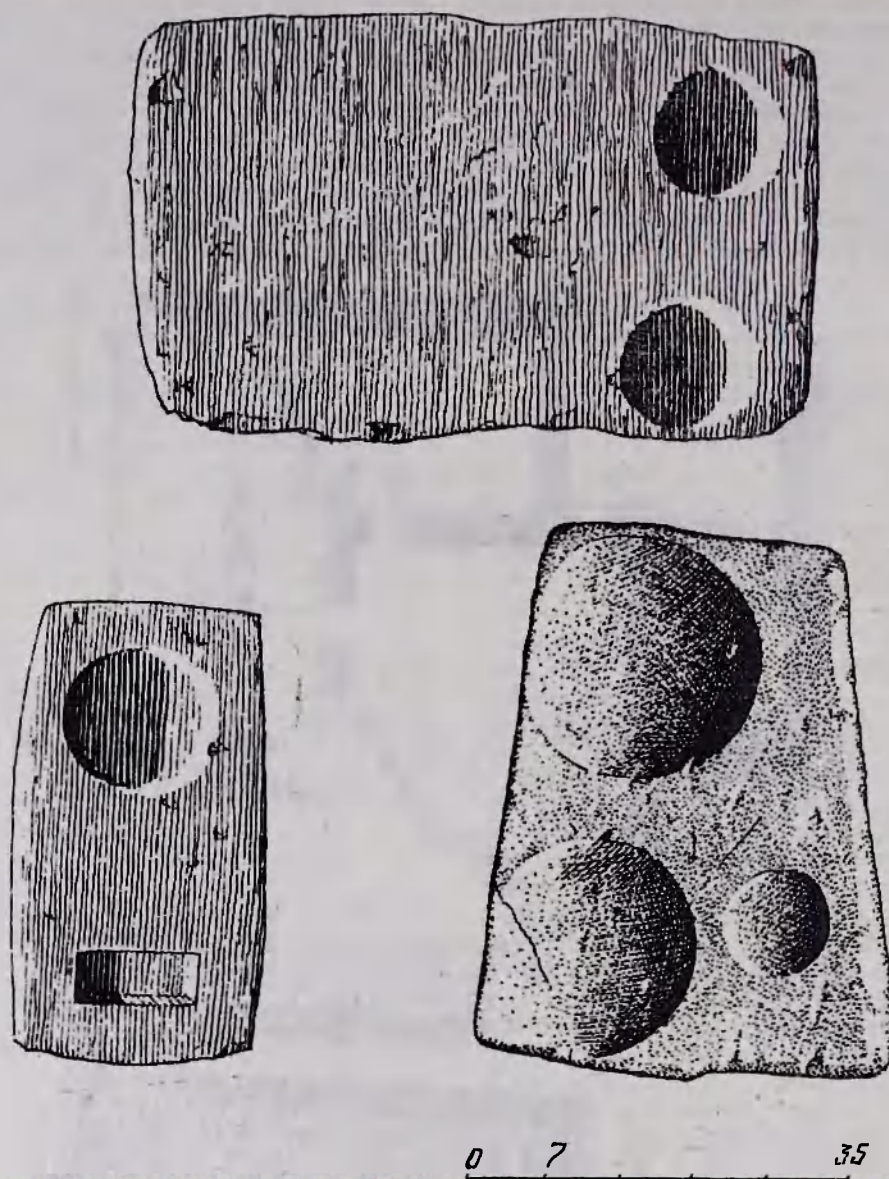

Рис. 40. Туфовые подставки культовых сосудов.

которого сочетают древнюю производственную традицию (керамические изделия, железные наконечники копий, браслеты, наконечники стрел позднескифского типа и пр.) с некоторым количеством привнесенных элементов (браслеты с прогибом, геммы и пр.), не характеризующих отнюдь основную линию развития материального производства²⁹.

Сосуды из раннеармянского слоя Аргиштихинили имеют, однако, наиболее близкую аналогию в материалах кармирблурского погребения № 3³⁰, врезанного в культурный

слой урартского дома и имеющего такую же конструкцию, как погребение № 2 в Аргиштихинили. Пиала кармирблурского погребения отличается от аргиштихинилинских лишь черным ангобом и отсутствием росписи на борту, имеет довольно близкую аналогию с бронзовым сосудом Персеполя³¹, а также с сосудами из серебра и глины, найденными в центре Фригийского царства—Гордионе³². Слой этих находок (V) относится к ахеменидскому городищу (V в. до н. э.) и располагается под

²⁹ А. А. Мартиросян, ук. соч., стр. 145—146.

³⁰ Там же, стр. 141—143.

³¹ E. Schmidt, Persepolis, 11, Chicago, 1955, табл. 68

³² R. Young, The 1961 Campaign at Gordion, American Journal, v. 66, 1962, стр. 154—155, табл. 41, рис. 1—2

греко-фригийскими горизонтами с крайней датой нашествия на Гордион Александра Македонского (333 г. до н. э.). Чрезвычайно важно то обстоятельство, что вместе с этими гордионскими пиалами были обнаружены глиняные ритоны с головками быка и льва, на белом фоне которых сохранились росписи черной и красной красками. Исследователь отмечает, что эти ритоны продолжают древнюю традицию Гордиона. Бычьеголовый ритон

шебани, построенной в VII в. до н. э., однако отличается от них черно-белой росписью, покрывающей всю поверхность сосуда. Роспись состоит из жирных, волнистых линий, столь характерных для бирюзовой фригийской керамики урартского периода. Точно такими же волнистыми линиями и мелкой сетчаткой покрыта типично фригийская кружка, найденная в одном из тумулюсов Гордиона (Koetre Tumulus III) и декорпро-

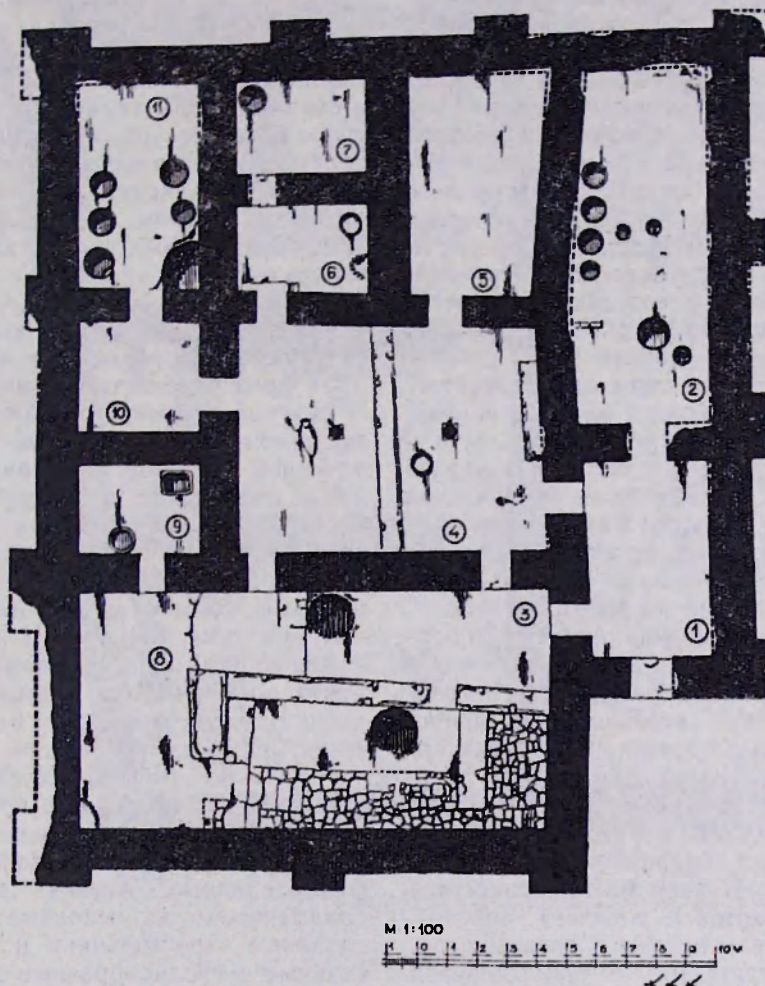

Рис. 41. Дом (№ 2) держателя печати (план).

Гордиона довольно близко подходит к протоме из Армавира, изображающего быка, не отличающегося от гордионского по ведущим признакам³³. Возможно, здесь и начинаются культурные связи Армении и Фригии. В описанном кармирблурском погребении найден также сообщающийся сосудик, который точно копирует форму многочисленных сосудиков этого типа, обнаруженных в цитадели Тей-

ванная двуцветной техникой, в которой красные линии перемеживаются с черными или лежат сверху их, чтобы создать полихромные ленты³⁴. Как мы убедимся ниже, точно такая же манера применялась и для раскрашивания армавирских сосудов. Третий сосуд кармирблурского погребения представлял собой одноручный малый кувшинчик, дериват кувшинов урартской эпохи с прорезными ручка-

³³ Вряд ли верна датировка, данная этой протоме Б. Н. Аракеляном на основе монеты Митридата II (123—88).

³⁴ R. Young, The Gordion Campaign of 1959, American Journal of Archaeology, Vol. табл. 64, N. 3, July, 1960, стр. 64, табл. 56, рис. 7.

мн. Он имеет аналоги в материалах V в. до н. э. в Макарашене и Джрарате, а также в расписных сосудах куштинского погребения, цалкинского района Грузии, датированного раннеахеменидским временем на основании серебряного перстня с изображением козы и типологически сходных перстней ахалгорийского клада³⁵. Такой же хронологический облик имеют и другие изделия ранних погребений кармирблурского раннеармянского могильника. Речь идет, в частности, о бронзовых браслетах с прогибом, воспроизводящих контур ахеменидских золотых браслетов, найденных вместе со статерами Мелькарта из Ариды в царской гробнице Суз и в погребении Грузии с монетами и чернолаковой привозной амфорой V—IV вв.³⁶. Примерно так же определяется дата кармирблурского двуручного кубка, характернейшего элемента урартских погребений VIII в. в Аргиштихинили и священных уголков всех урартских строений. Они находят аналоги в сосудах, изображенных на рельефах дворца Ксеркса в Персеполе, в которых, по мнению ученых, представлены армяне, преподносившие дары ахеменидскому царю³⁷. Как и другие формы раннеармянской керамики, возникнув из урартских, двуручные раннеармянские кубки бытуют довольно долго. Фрагменты таковых были обнаружены в древнеармянской крепости Караулуга (Мартуни), связанной с арамейской надписью армянского царя Арташеса I (190—160). Другая группа сосудов из района рассмотренных погребений и шурфа Аргиштихинили характеризуется наличием прямого носика в форме трубочки или трилистника и не связывается с урартской керамикой по происхождению. Подобные носики очень характерны для приурмийской керамики Хасанлу IIIб, Зивие и Сялка В³⁸, относимых к 600—500 гг. до н. э. Описанный тип сосудов Аргиштихинили делится на две вариационные и хронологические группы. Первая из них складывается из простых (без ангоба и росписи) сосудов, которые могут быть отнесены к ахеменидскому кругу, в соответствии с приурмийской керамикой (рис. 23а). Вторая группа состоит из богато украшенных полихромных сосудов, тяготеющих скорее к фригийскому кругу доэллинистического или раннеэллинистического времени. К этой группе относятся четыре

сосуда: найденный случайно, красноокрашенный горшок с носиком в виде трилистника (рис. 23б) и описанный выше такой же горшок светлого фона, расписанный горизонтальными полосами, треугольными шевронами, гирляндой полукругов, исполненных красной, черной и белыми красками (рис. 23в). Формы этих сосудов точно соответствуют сосуду с петельчатой ручкой из Сялка В, в одном случае повторяются также строение и расположение носика и ручки. Однако способ нанесения декоров горизонтальными фризами более характерен для поздней фригийской керамики. Такие формы и богатые узоры характеризуют два фрагментированных сосуда, найденных в шурфе. Это обломки узкогорлых кувшинчиков кремневого фона, богато украшенные полихромным двухъярусным узором (рис. 23в). Чередование орнаментов и красок следующее: две красные горизонтальные полосы, широкие черные (подтреугольные) листья, окаймленные коричневой каймой. Из-под острых углов каймы спускаются спиралевидно «крученые» узоры. Этот фриз отделяется от нижнего коричневой и красной полосками. Нижний фриз состоит из гирлянды полукружьев, заполненных коричневой краской, двух рядов гирлянд, черных и коричневых и повернутых вниз елочных деревьев (коричневых или черных). Роспись этих сосудов не имеет аналогий ни среди армавирских, ни среди переднеазиатских материалов, однако формы их более или менее приурмийские, а способ нанесения рисунка — фригийский. Таким образом, если даже имело место проникновение фригийских и иранских элементов, то они были использованы творчески, раннеармянская и эллинистическая керамика была вполне самобытна и возникла в основной своей массе на базе урартской. Что подобное проникновение могло произойти, свидетельствуют не только исходные вышеприведенные формы, способ нанесения орнаментов и их основные мотивы (заштрихованные треугольники и ромбы, горизонтальные и волнообразные полосы, зигзаги, длинные треугольные шевроны, сетка, волюты, гирлянды и пр.), одинаково характерные для фригийской³⁹, иранской⁴⁰ керамики VIII—VI вв. до н. э. и армавирской керамики⁴¹ ахеменидского (раннеармянского) периода. Возможность проникновения элементов этих

³⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948, стр. 7—9, табл. 3.

³⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, I, см. Могильник синхронической эллинистической или позднеахеменидской эпохи.

³⁷ E. Schmidt, Persepolis, I, Chicago, 1953, стр. 82—85, 118, 135, табл. 29 А и В.

³⁸ R. H. Dyson, ук. соч., табл. 38, рис. II ряда сверху, табл. 40—41, табл. 49—нижние два ряда.

³⁹ R. Young, The Campaign of 1955 at Gordion, American Journal..., v. 60, 1956, табл. 94, рис. 46—49. Там же, 61, № 4, 1957, табл. 93, рис. 25, там же, 64, № 3, 1960, табл. 8, рис. 21, 22, 15, там же, 72, № 3, 1968, табл. 76, рис. 20, 30, табл. 75, рис. 26 и другие.

⁴⁰ R. Dyson, ук. соч., рис. 7, 9—10, 13.

⁴¹ Г. А. Тирациян, ук. соч., табл. I, рис. 1—7, табл. III, рис. 1—2, 6—7, 10.

культур не может быть исключена тем более потому, что процесс этот являлся взаимным и упомянутые культуры сильно обогащались в начале I тыс. до н. э. под влиянием Урарту и в ахеменидское время. Фригия, Армения и Иран являлись большой ареной для «блуждания» взаимопереплетенных фольклорных мотивов, исторических преданий и ранних исторических сведений письменных источников.

выми ручками (рис. 26а, б)⁴², аналогии которых известны из соответствующих слоев Армавира, Гарни и Двина. Широкое распространение множества вариантов этих сосудов в Алишаре, Халафс, Херсонесе, Ольвии и других местах указывает на их очень позднюю датировку (рис. 25). Это подтверждается, в частности, находкой фляги в мингечаурском погребении⁴³, относимом к III—I вв. до н. э.

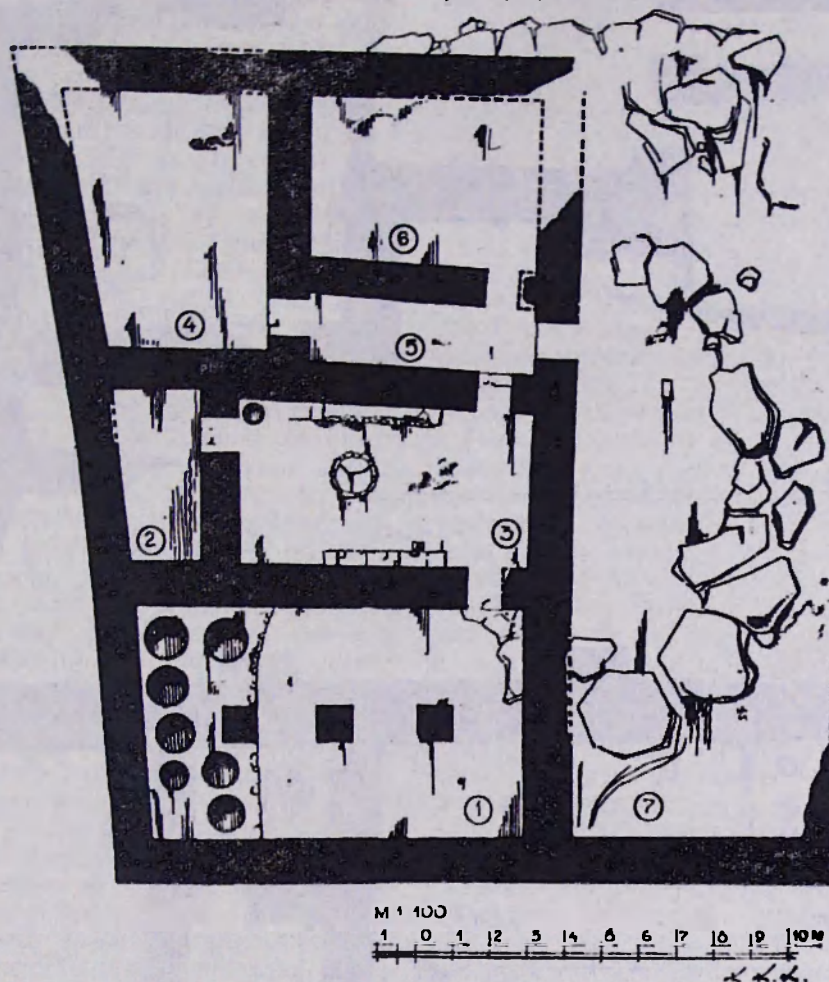

Рис. 42. Дом №3 (дом воина, план).

В материалах рассматриваемого района Аргиштихнители-Армавира представлена и группа предметов эллинистического и античного облика, указывающая на другую датировку и другое направление культурных связей древней Армении, как на это обратил внимание Г. А. Тирацян. Это направление охватывает в основном центры Греции, эллинистические Малую и Переднюю Азию и причерноморские греческие колонии. В эту группу входят многочисленные расписные фрагменты больших глиняных фляг, с равномерно вздутыми стенками, короткой шейкой и петлевидными боко-

В керамической серии исследованного участка представлен также очень любопытный фрагмент светло-кремневого фона, украшенный красно-коричневой горизонтальной полоской, очень красивым и четким большим завитком. Фон сосуда, орнаментация и строение черепка вполне соответствуют большому сосуду гарнийского некрополя со вздутым

⁴² Там же, стр. 277—278.

⁴³ Т. И. Голубкина, Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г., Изв. АН АзССР, 1959, № 1.

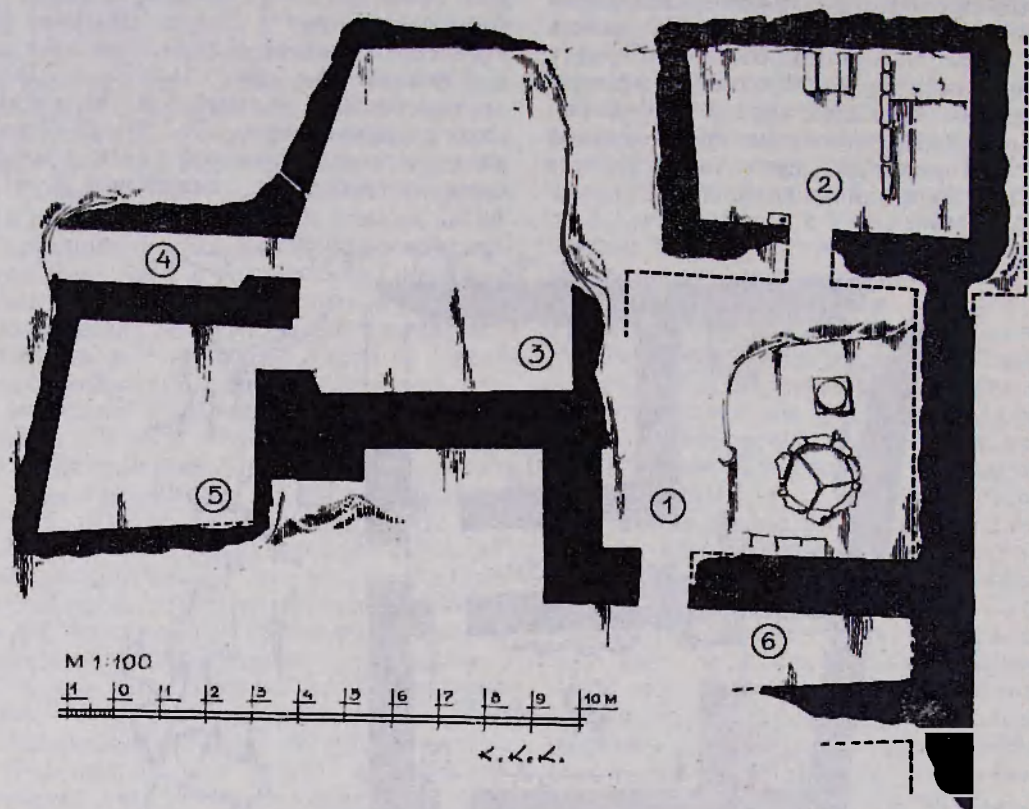

Рис. 43а. Дом № 4.

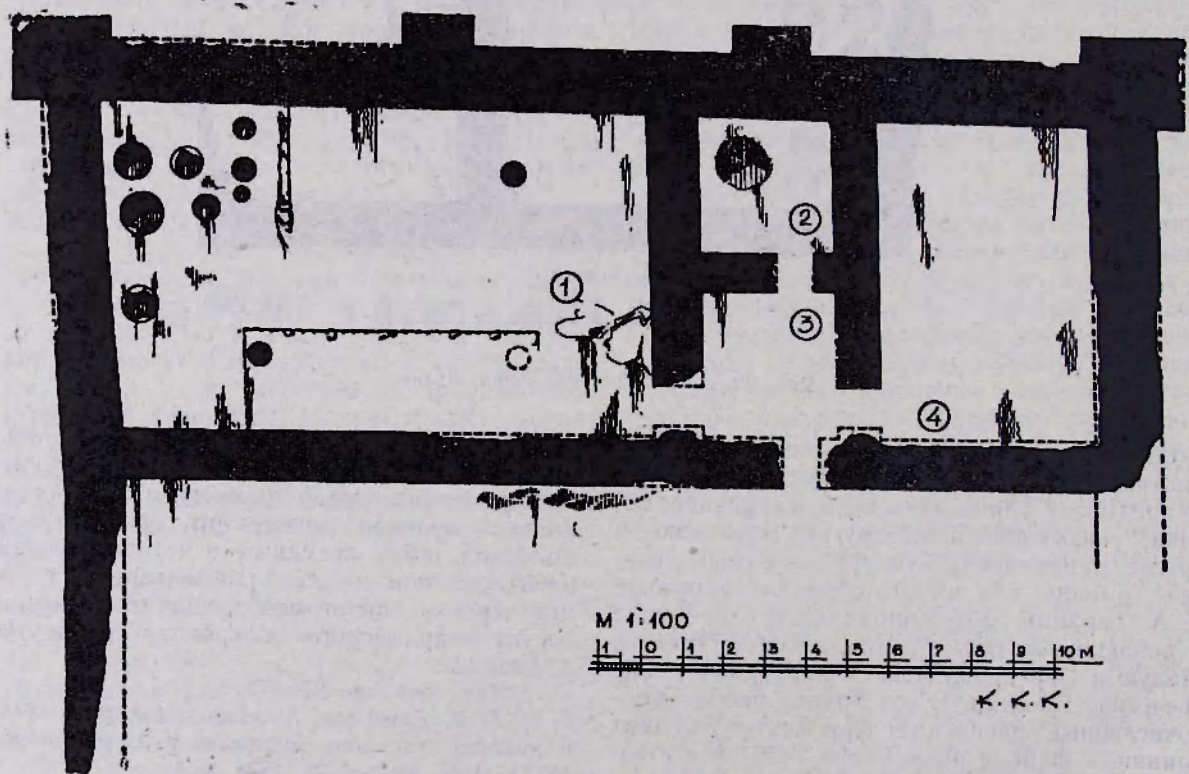

Рис. 43б. Дом № 5.

туловом и петлевидными, низко посаженными ручками (рис. 26г). Орнаментальные мотивы этих сосудов, как уже отмечено, совершенно явно связываются с западными центрами эллинистической керамики, известной по образцам афинской агоры, Северного Причерноморья, Александрии и Антиохии.

Следующая группа сосудов из Аргиштихинили имела некогда, вероятно, урартское происхождение, но впоследствии сильно видоизменилась. В этой группе различаются два варианта баночных сосудов, один из которых лишен росписи и с трудом отличается от соответствующих урартских форм, а другой — сильно отошел от них, как по форме, так и по богатой росписи (рис. 27). Как показал Г. А. Тирацян⁴⁴, некоторые из них имеют продолговатые треугольные шевроны, а другие — цветки лотоса (ГИМ Армении, инв. 2129/157)⁴⁵. Целый сосуд указанного образца имеет бордовый ангоб, желтые треугольные шевроны, желтоватого оттенка лотосовые стебли и такие же горизонтальные линии у основания. Ясно, что два указанных варианта баночных сосудов сильно разнятся хронологически. Первый из них относится к позднеурартскому и раннеахеменидскому времени, второй — к эллинистическому (рис. 27).

Последнюю группу фрагментов рассматриваемой керамики являются собою обломки полувасцевидных или полусферических чаш, известных по новым раскопкам Армавира и восстанавливаемых по экземпляру, найденному в 1880 г. (рис. 28). Бихромная орнаментация этого сосуда образована черными фестонами, перевитыми черными и красными лентами. Западное направление параллелей этих сосудов и датировка III в. до н. э., предложенная Г. А. Тирацян⁴⁶ на основе их сопоставления с образцами из Ольвии, Александрии, Антиохии и Дура-Эвропоса, не вызывает особых возражений.

Рассмотренные выше материалы, характеризующие богатство и разнообразие керамики Армении в эпоху Ахеменидов и эллинизма (VI—I вв. до н. э.), показывают, что в основе ее развития лежало урартское гончарное производство, соответственно видоизмененное под влиянием ирано-фригийского, а затем ахеменидского и эллинистического культурного взаимопроникновения. Подобные результаты анализа послеурартской керамики вполне ассоциируются с анализом продуктов и других отраслей материального производства, а главное, с основными этапами развития политической, культурной и эконо-

мической жизни страны в период от VI до I вв. до н. э.

В результате рассмотрения стратиграфического залегания разнородных памятников на территории Аргиштихинили и анализа вещественных материалов, добытых при их изучении, мы получили большую и разностороннюю историческую информацию о судьбах Аргиштихинили и Армавира.

1. Заселение территории Аргиштихинили относится ко времени первобытнообщинного строя, когда на Араратской равнине процветала культура древнебронзового этапа. К концу III тыс. местные поселенцы переселились на новые земли.

2. К последней четверти II тыс. до н. э. в районе Аргиштихинили появились поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа, которые были уничтожены урартским нашествием.

Весьма вероятно, что не подлежащие сносу культовые памятники эпохи бронзы — система пещер и вырубленных в скалах сооружений использовались в религиозных целях и были превращены в составные части вновь созданных многочисленных храмов, посвященных почитанию разных божеств. Ведь пещерные святилища были широко распространены в центральных районах Ванского царства.

3. Строительство города Аргиштихинили началось в первой четверти VIII в. до н. э. в западной ее части, возведении западной крепости и близлежащих кварталов, образовавших внутренний город. Затем, в годы правления того же Аргишти была возведена восточная крепость с окрестными кварталами. Западная черта городских построек во времена Аргишти I кончалась у подножья холма св. Давида, далее простирался большой могильник. В этот период на пространстве между двумя крепостями города было много пустырей. При дальнейшей застройке города потомками Аргишти I, главным образом сыном его, были расширены крепостные сооружения, сильно уплотнены существовавшие городские кварталы и созданы новые участки города к югу и западу от внутреннего города, а также в районе восточной крепости. Накануне скифо-мидийского нашествия город достиг колоссальных для того времени масштабов.

4. В городе Аргиштихинили и в подобных им центрах Ванского царства были созданы все предпосылки для развития материальной жизни и культуры раннеармянской государственности. Однако после гибели урартских городов, в результате мидо-иранского владычества и вассального положения Ервандидов городская жизнь в Армении деградировала

⁴⁴ Г. А. Тирацян, *ук. соч.*, стр. 268, табл. II;

⁴⁵ Там же, стр. 266—267, табл. II, рис. 1; табл. I, рис. 7.

вплоть до Арташесидского царства (II в. до н. э.).

5. Созданная на восточном участке Аргиштихинили резиденция ервандидских князей под именем Армавир значительно уступала прежнему городу в масштабах занимаемой территории, ирригационной сети, отраслей материального производства. Для нужд верховной военной касты и жречества Ервандидов предназначалась бывшая восточная кре-

мавира, показывают, что после гибели урартского города здесь беспрерывно продолжалась жизнь, начиная с ранних Ахеменидов до Сасанидов и Аршакидов в Армении. Эти археологические данные вполне соответствуют сведениям об Армавире, сохранившимся в армянских письменных источниках феодальной эпохи и древних клинописных документах.

8. Совокупность данных упомянутых источ-

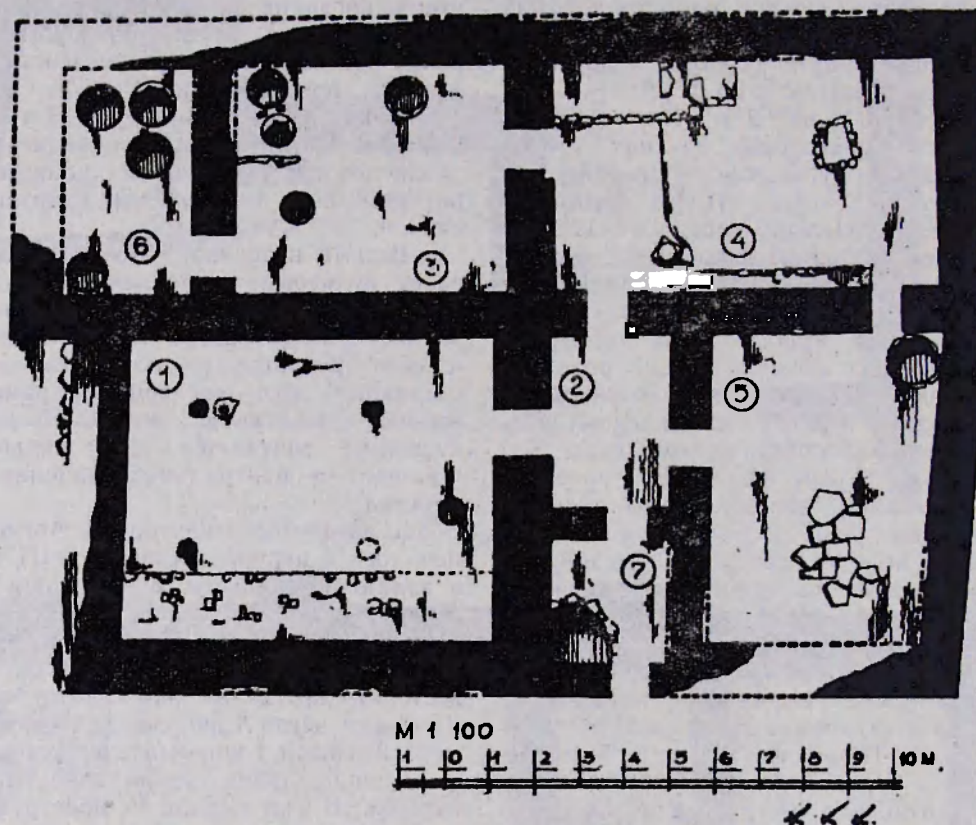

Рис. 44. Дом № 6.

пость Аргиштихинили с некоторым видоизменением уцелевших сооружений. То же самое видим в крепости Эребуни, ставшей, вероятно, центром Ахеменидского сатрапства.

6. Однако с течением времени, с VII по V вв. до н. э. складываются прочные основы раннеармянской культуры во взаимосвязи с культурой ахеменидского Ирана и соседней Фригии. Появляются весьма новые направления культурных взаимоотношений, которые тянутся не только в сторону Фригии и Ирана, но вообще ко всему эллинистическому миру Малой и Передней Азии, к причерноморским греческим колониям и к самим центрам Эллады.

7. Памятники материальной культуры, найденные на территории Аргиштихинили-Ар-

ников, относящихся к периоду после падения Урарту, выглядит следующим образом. Города Ванского царства пали в результате неотразимого скифо-мидийского штурма в период до 585 года⁴⁶. В составе этих войск находились отряды предводителей армянов, находившихся в союзе (сначала) с Мидией (а затем) с Ираном⁴⁷ и ставших фактическими хозяевами Араратской долины (с 560 г.) с центром в Армавире, а затем самостоятельными правителями Айраратского царства

⁴⁶ И. М. Дьяконов, Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, ВДИ, 1951, № 2, стр. 29—31.

⁴⁷ Մոգիկոնի նորեկացոյ Պատմութիւն Հայոց, գիրք II, 41-րդ.

(с 316 г. до н. э.). В период воцарения Ервандидов большая часть Аргиштихинили лежала в развалинах, но в восточной его крепости — новой резиденции Ервандидов, продолжалась кипучая жизнь, с вековыми хитроумными интригами высшей армянской знати.

его воды так, что не было возможности иметь достаточно воды для местопребывания царя...»⁴⁸. В дни этого Ерванда Армавир перестает быть не только административным, но и религиозным центром, так как он «строит небольшой городок по реке Ахурян, назвав

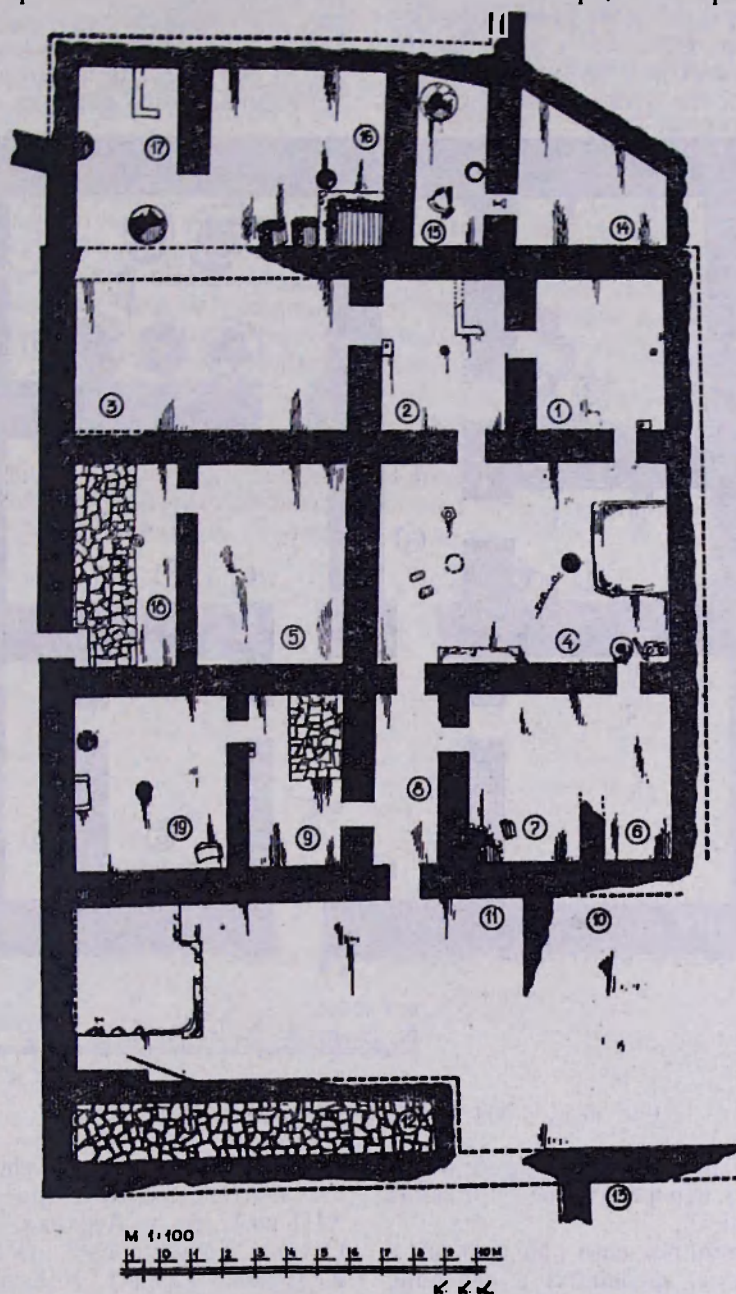

Рис. 45. Дом № 8.

Согласно сведениям Мовсеса Хоренаци, во время правления Ерванда (II в. до н. э.) «... царский двор переносится с холма, называемого Армавиром, ибо река Ерасх удалась и в продолжительную зиму суровое дыхание северного ветра сковывало льдом

его Багараном, что значит «дом богов» и переносит туда все кумиры, бывшие в Армавире»⁴⁹.

⁴⁸ М. Хоренский, История Армении (пер. Н. О. Эмина), кн. II, гл. 39.

⁴⁹ Там же, кн. III, гл. 31.

Однако в начале II в. до н. э. Армавир продолжал оставаться местом пребывания основателя новой династии Арташеса I Великого, который вскоре построил великолепную столицу Арташат на Араксе и навсегда покинул Армавир. Из этой же книги Хоренаци мы узнаем, что в IV в. н. э. Армавирская крепость с дворцом продолжала существовать, так как царь Аршак II под предлогом наградить своих князей «... созвал к себе их, как

После разгрома, учиненного сюнйским князем, в Армавире, по-видимому, надолго прекращается жизнь, хотя историк VII в. Себеос еще один раз упоминает Армавирскую крепость⁵². Спустя более чем 400 лет, в эпоху Багратидов, на восточной и западной окраинах Аргиштихинли возникают мелкие поселения⁵³, которые продолжают существовать около 300 лет. В некоторых средневековых источниках этого периода среди селений Ара-

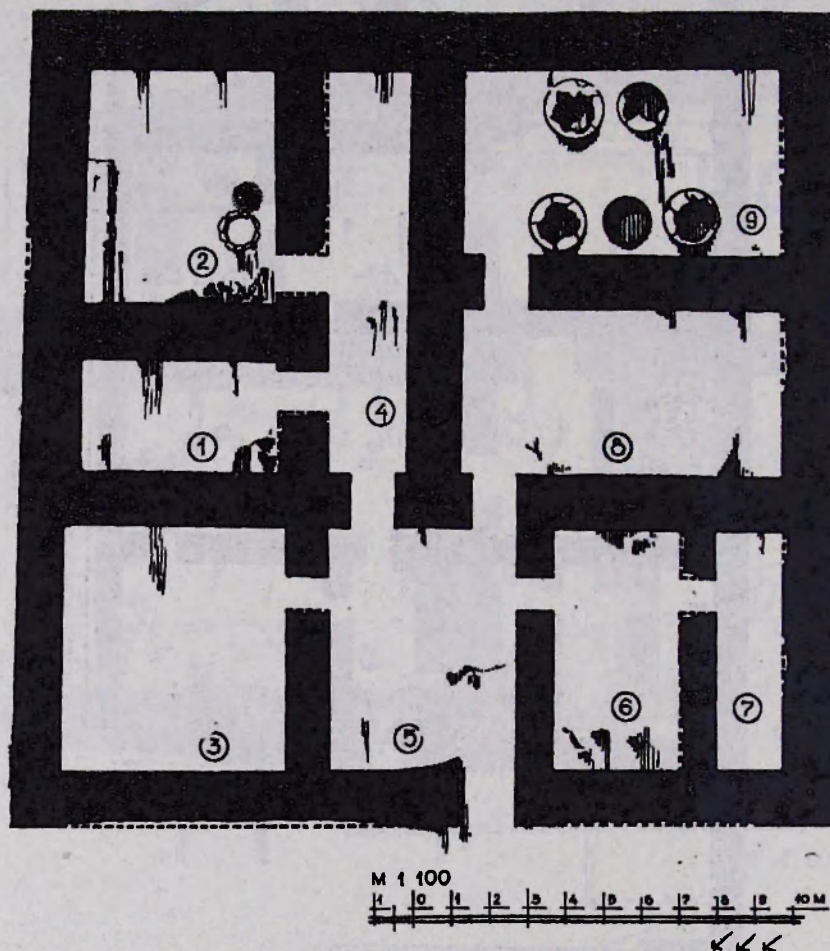

Рис. 46. Дом № 1 (дом врача третьего квартала).

сродников овоих, в покинутый дворец в Армавире и приказал перерезать всех мужчин и женщин с детьми»⁵⁰.

Армавир упоминается еще раз в связи с восстанием армянских феодалов в середине V в. н. э., когда отступник Васак, князь Сюнийский «разорял многие места страны Армянской, в особенности зимнюю резиденцию двора Гарни, крепость Ошакан и Армавирскую крепость»⁵¹.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Егише, О Вардане и войне армянской (пер. И. А. Орбели), Ереван, 1971, стр. 79—80.

гацотна упоминается Сурб Григор в различных контекстах, то у Драсханакертци⁵⁴ (XII—XIII вв.), то у Асохика⁵⁵ (X—XI вв.), то у Овсепса Католикоса⁵⁶ (VIII—IX вв.), то у Кедреноса (XI в.). У Кедреноса сохранилось сведение, что двинский эмир Абул-Асвар захватил у армянского царя Гагика II крепо-

⁵² С. В. Тер-Аветисян, Археологическое обследование... стр. 58.

⁵³ Там же, стр. 59.

⁵⁴ Հովհ. Դրասխանակերտցի, Տփղիս, էջ 111.

⁵⁵ Ստ. Ասոխիկ, Պետերբուրգ, էջ 108.

⁵⁶ Ալիշան, «Այրարատ», էջ 159.

сти Сурб Мари. Амберд, Сурб Григор и другие⁵⁷. Известный знаток географии древней Армении Г. Алишан в связи с описанием развалин Аргиштихинили-Армавира упоминает находку клинообразной надписи в пределах западной крепости Аргиштихинили (у с. Шагриар), на том самом месте, которое местные жители называли гробницей святого Григория Просветителя⁵⁸. Это дает некоторое основание полагать, что селение Сурб Григор располагалось в западной части города Аргиштихинили. Но существует мнение и о том, что Сурб Григор находился на месте с. Парби. После монгольских нашествий жизнь в Аргиштихинили-Армавири не восстанавливалась на протяжении веков. Безмолвные, безлюдные крепости стояли примерно шесть столетий, в сравнительно хорошей сохранности, вплоть до русско-персидской войны 1827 года, когда Гусейн-Кули-хан разобрал стены Армавирской крепости для своих фортификаций в Сардарабаде. Спустя два года переселенные из Персии армяне построили в окрестностях Аргиштихинили свои села Курдукули, Тапа-диби, Молла-

Баязед, Гечерлу и др.⁵⁹ а через сто лет новые армяне-беженцы построили с. Нор-Армавир у подножьев западной крепости Аргиштихинили. Все они ломали стены сооружений древнего города. Гонимые судьбою, лишенные родины и родного крова, обездоленные, эти люди не знали, что собственными руками разрушают великолепные памятники былой славы древней Армении. Многократно разрушенные сооружения древнего Аргиштихинили сохранили богатые, характерные слои с предметами материального производства лишь в тех местах, которые были сожжены врагами и остались нетронутыми. Да, прав был Л. Вулли, когда писал:

«Идеальные условия Помпеи встречаются слишком редко и нам приходится довольствоваться меньшим. Однако и это «меньшее» представляет собою максимум того, что сохранила нам история для всеобщей заботы и любви, для всестороннего, глубокого исследования и восстановления образа жизни и высокой для своего времени культуры наших предков, у которых мы учимся до сих пор»⁶⁰.

⁵⁷ Օրմանյան, Ազգայնական, հիշր., Թ, Ա. 914.

⁵⁸ Ալիշան, «Այրարատ», էջ 151—152.

⁵⁹ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., стр. 54.

⁶⁰ Л. Вулли, Ур халдеев, стр. 180.